

Память 26 августа (ст. стиль 13 августа)

Святого мученика Ипполита

По мученической кончине святого архидиакона Лаврентия¹, блаженный Ипполит, военачальник и блюститель тюремный, с честью предал погребению многострадальные останки мученика, который был сначала для него узником, а потом сделался учителем; домой блаженный Ипполит возвратился лишь на третий день после погребения. Все домашние его, – числом девятнадцать человек обоего пола, – были христиане, – они были наставлены в истинах христианской веры и затем крещены святым Лаврентием. Вместе со всеми домочадцами блаженный Ипполит после общей домашней молитвы приобщился Божественных Таин Тела и Крови Христовых, а потом, по принятии духовной пищи, была предложена трапеза для подкрепления тела; но прежде чем приступили к ней, пришли воины и взяв блаженного Ипполита, повели его к царю Декию². Увидев его, царь засмеялся и сказал:

– Неужели и ты стал волхвом, потому что украл тело Лаврентия?

– Я не волхв, но христианин, – отвечал блаженный Ипполит.

Тогда разгневанный царь приказал быть его по устам камнями, а затем – снять с него одежду, составлявшую обычное одеяние христиан.

– Ты не обнажил меня, но одекаешь в более ценную одежду, – сказал на это блаженный Ипполит.

– Разве ты более уже не чтишь богов, если так безумствуешь и не стыдишься своей наготы? – спросил царь.

– Я мудр и не наг, – возразил блаженный Ипполит, – ибо облекся во Христа; я тогда был безумен, когда подобно тебе служил бесам, и тогда был наг, когда не имел благодати Христовой, а теперь я христианин.

– Принеси жертву богам, – предложил царь, – чтобы тебе, подобно Лаврентию, не погибнуть от мук.

– О, если бы я удостоился участи святого Лаврентия, имя которого ты, окаянный, своими скверными устами и произносишь то не должен! – воскликнул блаженный Ипполит.

Царь велел протянуть его на земле и бить без жалости палками; святой же мученик в это время громко взывал:

– Я христианин!

Тогда мучитель приказал прекратить побои, поднять блаженного Ипполита с земли и одеть в обычную воинскую одежду, при этом он сказал, обращаясь к святому мученику:

– Вспомни о своем воинском сане и будь по прежнему нам другом, по прежнему вместе с нами принося жертвы.

– Я воин Христа, моего Спасителя и за Него желаю умереть, – отвечал блаженный.

Декий после этого сказал епарху Валериану:

– Возьми всё имение его, а его самого замучь до смерти.

В тот же день посланные Валериана разграбили имение блаженного Ипполита; узнав, что в доме Ипполита найдены верующие во Христа, Валериан велел их привести к себе: среди приведенных находилась и кормилица Ипполита, по имени Конкордия. Взглянув на них, Валериан велел их привести к себе; среди приведенных находилась и кормилица Ипполита, по имени Конкордия. Взглянув на них, Валериан сказал:

– Пожалейте свою жизнь, чтобы не погибнуть вместе со своим господином Ипполитом.

– Мы желаем лучше, – отвечала Конкордия, – с честью умереть за веру Христову вместе с нашим господином, чем, утратив ее, жить среди вас, нечестивцев.

– Порода рабов не иначе, как только ранами может быть исправлена, – сказал Валериан и приказал быть Конкордию оловянными прутьями; во время побоев святая мученица предала дух свой Господу. Здесь находился под караулом воинов и блаженный Ипполит: увидав мученическую кончину своей кормилицы, он с радостью воскликнул:

– Благодарю Тебя, Господи, что питавшую меня предпослал в Твое царствие к святым Твоим!

Епарх сказал:

– Ты всё еще надеешься на волшебную хитрость, – не почитаешь богов и не повинешься повелению царя?

И разгневавшись, Валериан приказал всех вместе с Ипполитом вывести через Тивуртинские ворота за город и там предаст смерти. Святой Ипполит ободрял их во время пути:

– Не бойтесь, – и я и вы имеем над собою одного Владыку.

Когда пришли на место казни, то все были усечены воинами на глазах блаженного Ипполита. Всех привявших эту мученическую кончину, – разного пола и возраста, – было восемнадцать человек, не считая святую Конкордию, убитую в городе. Самого же святого Ипполита, по приказанию епарха, привязали к диким коням и владчили по каменистым местам до тех пор, пока он не отошел ко Господу. Святой мученик Ипполит вместе с домочадцами своими пострадал за Христа в тринадцатый день августа месяца и в третий день по мученической кончине святого Лаврентия.

При наступлении ночи к месту казни пришел с верующими святой Иустин пресвитер и, собрав тела святых мучеников, предал их там же погребению. Тела же святой Конкордии, не смотря на самые тщательные поиски в городе, никак не могли найти; это так сильно опечалило святого Иустина, что он заплакал. Честное же тело святой Конкордии было, по приказанию мучителя, брошено в нечистое место. один христианин, по имени Иринея, узнал об этом от одного воина, уже спустя три недели со дня смерти блаженного Ипполита, – взяв с собою другого христианина – Авундия, он извлек ночью тело святой мученицы, несколько не пострадавшее от нечистот, и принес его к пресвитеру Иустину. Пресвитер был очень рад и похоронил честные останки рядом с телом святого Ипполита и прочими мучениками. Наутро это стало известно Валериану; он приказал схватить Иринея и Авундия и бросив туда, откуда они извлекли тело святой Конкордии, потопить их живыми в нечистотах. И оба святые умерли там в двадцать шестой день августа месяца. Святой Иулиан извлек тела их ночью и предал погребению при мощах святого Лаврентия, славя Христа Бога, славимого со Отцом и Святым Духом во веки³. Аминь.

---

¹ См. житие его под десятым числом настоящего месяца.

² Император 249-251 гг.

³ Св. мученик Ипполит и святая мученица Конкордия пострадали в 258 г. 13 августа.

В тот же день перенесение честных мощей преподобного отца нашего Максима Исповедника, воспоминаемого в 21 день января.

Преподобный Максим Исповедник

Дни памяти

3 февраля

26 августа - Преставление (662), перенесение мощей

Прп. Максим Исповедник (ок. 580-662) – выдающийся богослов и защитник Православия. Родившись в Константинополе, он оставил высокий пост при

императорском дворе, принял монашество и стал игуменом. Активно боролся с монофелитской ересью, участвовал в осудившем её Латеранском соборе 649 года. За верность Православию был подвергнут пыткам (отрезание языка и руки) и сослан, где скончался. Оставил богатое богословское наследие, включая труды по экзегетике, догматике и аскетике.

Преподобный Максим Исповедник родился в Константинополе около 580 года и вырос в благочестивой христианской семье. В юности он получил разностороннее образование: изучил философию, грамматику, риторику, был начитан в древних авторах и в совершенстве владел богословской диалектикой. Когда преподобный Максим поступил на государственную службу, знания и добросовестность позволили ему стать первым секретарем императора Ираклия (611–641). Но придворная жизнь тяготила его, и он удалился в Хрисопольскую обитель (на противоположном берегу Босфора – ныне Скутари), где принял иноческий постриг. Своим смиренномудрием он вскоре приобрел любовь братии и был избран игуменом монастыря, но и в этом сане по своей необыкновенной скромности он, по собственным его словам, "оставался простым монахом". В 633 году по просьбе одного богослова, будущего святителя Иерусалимского патриарха

Софрония (память 11 марта), преподобный Максим оставил обитель и уехал в Александрию.

Святой Софроний стал известен к тому времени как непримиримый противник монофелитской ереси. После того, как IV Вселенский Собор (451 г.) осудил монофизитов, исповедовавших одну (Божественную) природу в Господе Иисусе Христе, еретиками-монофелитами было введено понятие единой Божественной воли и единого (Божественного) действования, что приводило к признанию отвергнутого монофизитского лжеучения. Монофелитство нашло многочисленных сторонников в Армении, Сирии, Египте. Ересь, усиливаемая национальной враждой, стала серьезной угрозой церковному единству Востока. Борьба Православия с ересями особенно осложнилась тем, что к 630 году три патриарших престола на православном Востоке оказались занятыми монофизитами: Константинопольский – Сергием, Антиохийский – Афанасием, Александрийский – Киром.

Путь преподобного Максима из Константинополя в Александрию лежал через Крит, где и началась его проповедническая деятельность. Там он столкнулся с епископатом, придерживавшимся еретических взглядов Севера и Нестория. В Александрии и ее окрестностях преподобный провел около 6 лет. В 638 году император Ираклий вместе с патриархом Сергием, стремясь уменьшить вероисповедные разногласия, издал указ, так называемый "Экфесис" – "Изложение веры", который окончательно повелевал исповедовать учение об одной воле при двух природах Спасителя. Защищая православие, преподобный Максим обращался к людям различных званий и сословий, и беседы эти имели успех. "Не только клир и все епископы, но и народ, и все мирские начальники ощущали в себе какое-то неодолимое влечение к нему", – свидетельствует его житие.

В конце 638 года умер патриарх Сергей, а в 641 году – император Ираклий. Императорский престол занял жестокий и грубый Констанс II (642–668), откровенный сторонник монофелитов. Усилились нападки еретиков на православие. Преподобный Максим ушел в Карфаген и проповедовал в нем и окрестностях еще 5 лет. Когда туда прибыл преемник патриарха Сергия патриарх Пирр, покинувший Константинополь из-за

придворных интриг, по убеждениям монофелит, между ним и преподобным Максимом в июне 645 года произошел открытый диспут, на котором Пирр всенародно признал свои заблуждения и пожелал даже вручить папе Феодору письменное отречение от них. Преподобный Максим вместе с Пирром отправились в Рим, где папа Феодор принял покаяние бывшего патриарха и восстановил его в сане.

В 647 году преподобный Максим вернулся в Африку. Там на соборах епископов монофелитство осуждалось как ересь. В 648 г. вместо "Экфесиса" вышел новый указ, составленный по поручению Констанса Константинопольским патриархом Павлом – "Типос" – "Образец веры", который запрещал всякие рассуждения равно как об одной воле, так и о двух волях при признании двух природ Господа Иисуса Христа. Тогда преподобный Максим обратился к сменившему папу Феодора римскому папе Мартину I (649–654) с просьбой вынести вопрос о монофелитстве на соборное обсуждение всей Церкви. В октябре 649 года был собран Латеранский Собор, на котором присутствовало 150 западных епископов и 37 представителей православного Востока, среди которых находился и преподобный Максим Исповедник. Собор осудил монофелитство, а его защитники, Константинопольские патриархи Сергей, Павел и Пирр, были преданы анафеме.

Когда Констанс II получил определение Собора, он приказал схватить и папу Мартина, и преподобного Максима. Этот приказ был выполнен через пять лет, в 654 году. Преподобного Максима обвинили в измене отечеству и заключили в тюрьму. В 656 году он был сослан во Фракию, а затем снова привезен в константинопольскую тюрьму. Преподобного вместе с двумя его учениками подвергли жесточайшим пыткам: каждому отрезали язык и усекли правую руку. Затем их сослали в Колхиду. Но тут Господь явил неизреченное чудо: все они обрели способность говорить и писать. Преподобный Максим предсказал свою кончину († 13 августа 662 года). В греческих прологах 13 августа указывается перенесение его мощей в Константинополь; оно могло быть приурочено к кончине преподобного. Возможно, что установление памяти на 21 января связано с тем, что 13 августа празднуется отдание праздника Преображения Господня. Над могилой преподобного Максима ночами возжигались три чудесно явленных светильника и совершалось множество исцелений.

Преподобный Максим Исповедник оставил Церкви большое богословское наследие. Его экзегетические труды содержат объяснения трудных мест из Священного Писания, толкования молитвы Господней и 59-го псалма, схилии к сочинениям священномученика Дионисия Ареопагита († 96; память 3 октября) и святителя Григория Богослова († 389, память 25 января). К экзегетике относится также объяснение богослужения, озаглавленное "Мистагогия" ("Введение о таинстве").

К догматическим трудам преподобного относятся: изложение его диспута с Пирром, несколько трактатов и письма к разным лицам. В них содержится изложение православного учения о Божественной сущности и ипостаси, о Боговоплощении и об обожении человеческой природы.

"Ничто в обожении не есть произведение природы, – писал преподобный Максим в письме к своему другу Фалассию, – ибо природа не может понять Бога. Единственно лишь милость Божья обладает способностью давать обожение существам... Человек (образ Божий) в обожении уподобляется Богу, он радуется изобилию всего, что принадлежит ему по природе, потому что благодать Духа торжествует в нем и потому что Бог действует в нем" (письмо 22). Преподобному Максиму принадлежат и антропологические труды. Он рассматривает природу души и ее сознательно-личное существование после смерти человека. Среди нравственных сочинений особенно важны "Главы о любви". Преподобный Максим написал также три гимна в лучших традициях церковной гимнографии, ведущих начало от святителя Григория Богослова.

Богословие преподобного Максима Исповедника, основанное на духовном опытном знании великих отцов-пустынников, использующее искусство диалектики, выработанное дохристианской философией, было продолжено и развито в трудах преподобного Симеона

Нового Богослова († 1021; память 12 марта) и святителя Григория Паламы († ок. 1360; память 14 ноября).

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-maksim-ispovednik>

Кондак, глас 8:

Троицы рачителя и великаго Максима, научающа ясно вере божественней, еже славити Христа во дву естествах, волях же и действиях суща, в песнях достойных вернии почтим зывающе: радуйся, проповедниче веры.

Другой кондак, глас 6:

Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя всеблаженне, являюща божественная концем, неудобостижных разумений ты сказуяй блаженне, и Троицу всем Максиму возпроповедуяй ясно, пресущную, безначальную.

В тот же день обретение мощей блаженного Максима Московского, Христа ради юродивого.

Блаженный Максим Московский, Христа ради юродивый

Дни памяти

26 августа - Обретение мощей

7 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

24 ноября

Блж. Максим, Христа ради юродивый, жил в Москве. Летом и зимой он ходил почти нагим, терпя зной и холод, говоря: «Хоть люта зима, но сладок рай». Его поучения слушали все – от князей до бедняков. В тяжелые времена татарских набегов и эпидемий он утешал обездоленных, а сильных мира сего обличал за лицемерие. Умер 11 ноября 1434 года, погребен у церкви свв. Бориса и Глеба. В 1547 году обретены его нетленные мощи, установлено празднование. Храм сгорел в 1568 году, но мощи сохранились. В 1698 году их вновь обрели и перенесли в новый храм, освященный в его честь. После пожара 1737 года уцелевшие части мощей передали в Максимовский храм.

Блаженный Максим, Христа ради юродивый, жил в Москве. О его родителях, времени и месте рождения ничего неизвестно. Святый Максим избрал один из самых трудных и тернистых путей ко опасению, добровольно, Христа ради приняв на себя личину юродивого. Летом и зимой Максим ходил почти нагим, перенося с молитвой и зной, и холод. «Хоть люта зима, но сладок рай», – говорил он, поучая всех терпению и перенесению житейских невзгод.

Русь очень любила своих юродивых, ценила их глубочайшее смирение, внимала их мудрости, высказанной доходчиво и образно народным языком пословиц. И слушали юродивых все: от великих князей до последнего бедняка.

Блаженный Максим жил в тяжелые для русского народа времена. Татарские набеги, засуха, эпидемии разоряли и губили людей. Святой говорил обездоленным: «Не все по шерсти, ино и напротив... за дело побьют, повинись, да пониже поклонись; не плачь битый, плачь небитый; оттерпимся, и мы люди будем; исподволь и сырые дрова загораются; за терпение даст Бог спасение». Но не только слова утешения говорил святой. Его гневных обличений страшились сильные мира сего: купцы и московская знать. Блаженный Максим говорил им, знатным да богатым: «Божница домашня, а совесть продажна; всяк крестится, да не всяк молится; Бог всякую неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». Обличения юродивого не оставались бесплодными, многие из москвичей обращали свои сердца к Богу.

Скончался блаженный Максим 11 ноября 1434 года и был погребен у церкви святых князей Бориса и Глеба. Господу было угодно прославить чудесами Своего угодника: у гроба святого стали совершаться исцеления. 13 августа 1547 года были обретены нетленные мощи блаженного Максима и тогда же ему было установлено ему празднование. В Окружной грамоте митрополита Московского Макария сказано: «Пети и праздновати на Москве, августа в 13-й день, новому чудотворцу Максиму, Христа ради юродивому». Храм в честь благоверных князей Бориса и Глеба, рядом с которым был погребен святой Максим, сгорел в 1568 году. Но святые мощи Максима оставались под спудом. Благоговейные почитатели памяти святого построили над его могилой придел в честь святого Максима Исповедника.

В «Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе» (около 1634 г.) под 11 ноября сказано: «Максиму юродивому: благовест в лебедь, средней»; под 12/13 августа: «Праздновали прежде сего Максиму блаженному: благовест в лебедь, звон средней; а ныне только празднуют в ноябре, а поют по уставу».

В 1698 году по усердию московских жителей Максима Верховитина и Максима Шаровникова старый Борисоглебский храм был разобран; при этом отвалившийся от стены камень открыл великое сокровище – целебные мощи святого блаженного Максима. Они были с честью перенесены в один из московских соборов, где и находились во все время постройки нового храма. По окончании строительства он был освящен во имя блаженного Максима Московского с приделом в честь прп. Максима Исповедника. Около сорока лет хранились мощи блаженного в этом храме. В 1737 году произошел сильный пожар, во время которого сгорел храм во имя Максима Московского. Уцелевшие части мощей блаженного Максима были благоговейно собраны и переданы в Максимовский храм в 1768 г. Священнику этого храма Никите Иванову было поручено изготовить кипарисовый ковчег, украшенный серебром, что и было им исполнено в 1770 году.

В «Повести» о перенесении мощей блаженного Максима сказано: «О святом же житии его и чудесех его глаголют мнози, еже была не малая книга написаная, но не вем, како из церкви изгibe или кто у прежде бывших священников взял ради списания».

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь блаженного Максима, Христа ради юродивого, Московского, глас 4

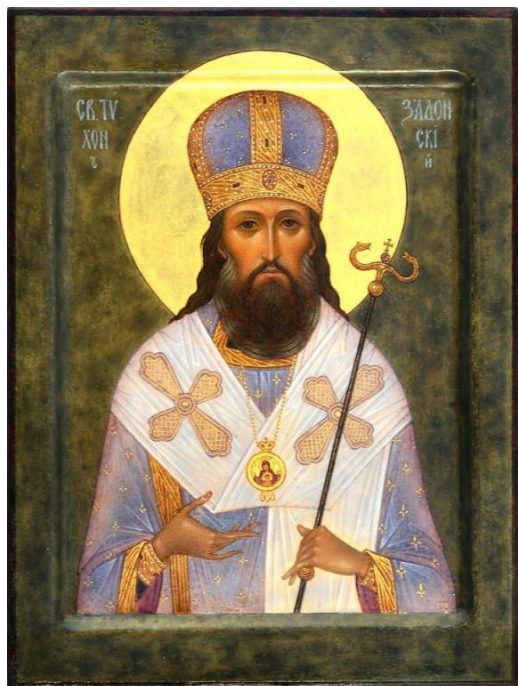
Терпением своим велию мзду на Небесех стяжал еси,/ в буйство волею Христа ради преложиша/ и на Небо мысленное, яко на колеснице огненной,/ возшел еси, премудре Максиме./ Днесь мы ныне чтим честных мощей твоих обретение/ вкупе с благочестивыми и верными людьми царствующаго града Москвы,/ да вси вопием ти:/ моли Христа Бога/ спастися душам нашим.

Кондак блаженного Максима, Христа ради юродивого, Московского, глас 8

Верою и любовию твое честное обречение празднующих, блаженне,/ сохрани и соблюди от всякий злобы и соблазна змиина,/ имаши бо дерзновение ко Владыце всех Христу,/ Егоже моли спасти люди, молящихся,/ да вси вопием ти:/ радуйся, отче Максиме, царствующему граду Москве похвало.

В тот же день преставление (в 1783 г.) и открытие (в 1861 г.) мощей святого отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца.

Тихон, епископ Воронежский, святитель

Дни памяти

21 июня (переходящая) - Соборы Новгородских и Санкт-Петербургских святых

19 июля (переходящая) - Собор Тверских святых
26 августа

17 сентября - Собор Воронежских святых

23 сентября - Собор Липецких святых

Свт. Тихон (Тимофей Соколов) родился в 1724 году. С детства терпел нужду, чудом избежал солдатчины. Окончив Новгородскую семинарию, стал преподавателем, затем принял монашество. В 37 лет неожиданно был избран епископом Воронежским, где активно боролся с языческими традициями. Из-за болезни удалился в Задонский монастырь и 16 лет провел в молитвах, благотворительности и написании духовных книг. Известен чудесами, прозорливостью (предсказал победу над Наполеоном) и необычайным смирением. Умер в 1783 году, канонизирован в 1861. Его мощи прославились чудесами.

При описании жития отечественных святых, утешительно и ободрительно для сердец наших явление земле Русской угодников Божиих, ясно доказывающее, что не оскудела и для нас благодать Божия, всегда восполняющая то, что оскудевает в слабой природе человеческой. И какое торжество для Церкви Православной, прославляемой верными сынами своими! Господь увенчал их венцами нетления во свидетельство их подвигов и правого исповедания той Церкви, которая и доселе есть столп и утверждение истины.

Происхождение свт. Тихона самое убогое: отец его Савелий Кириллов был дьячком в Новгородской губернии, в селе Корецке (Короцке) Валдайского уезда, и оставил по себе вдову с пятью малолетними детьми. Будущий святитель родился в 1724 году и был назван Тимофеем. Лишившись в младенчестве отца, он остался на попечении матери Домники и старшего брата Евфимия. «Как я начал себя помнить, – вспоминал впоследствии святитель Тихон, – в доме при матери нашей (отца своего я не помню) было нас четыре брата и две сестры; больший брат дьячкову должность отправлял, средний же брат был взят в военную службу, а мы все еще молодые в великой жили бедности...» При таком положении Тимофей едва ли мог надеяться получить достаточное образование даже для исполнения церковной должности пономаря. Некий богатый бездетный ямщик полюбил Тимофея и хотел усыновить его. Он неоднократно просил об этом Домнику, обещая воспитать Тимофея как родного сына. Святитель Тихон вспоминал об этом: «Матушка моя, хотя и отказывала ему (ямщику) – жаль ей было отдать меня, – но крайний недостаток пропитания понудил ее

отдать... Я хорошо помню, как, взяв за руку, она повела меня к ямщику. Старшего брата в то время не было дома. Когда же он возвратился, то спросил сестру: «Где матушка?» Та отвечала: «Повела Тиму ямщику». Брат, догнав матушку, стал пред ней на колени и сказал: «Ямщику его отдадите – ямщиком он и будет. Я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам... Постараюсь обучить его грамоте, тогда он сможет к какой-нибудь церкви определиться в дьячки или пономари». И матушка воротилась домой. Так таинственный Божий Промысел от самого отрочества руководил будущим великим подвижником. Любовь братская спасла Тихона, она же приготовила в нем и достойного служителя Церкви. Но оставшись в доме родительском, он продолжал томиться под гнетом тяжелой нищеты, питаясь одним черным хлебом, и то очень воздержанно. «Когда, бывало, дома есть нечего, – рассказывал келейнику в последние годы своей жизни, вспоминая детство, – я ходил на целый день боронить землю у какого-либо богатого пахаря, чтобы он только прокормил меня». Так трудился Тимофей, живя в родительском доме до четырнадцати лет.

В 1737 году были изданы два указа императрицы Анны Иоанновны, которые со всей строгостью предписывали «сделать церковнослужительским детям разбор и лишних, особливо не учащих, отдавать на военную службу». В Новгородской епархии, не имевшей тогда епископа, исполнение этих указов было особо ревностным.

Мать отрока Тимофея по чрезвычайной скудости от бывшего неурожая хотя и не нашла у себя достаточно средств, чтобы содержать сына своего в духовном училище, однако привезла его в Новгород на рассмотрение начальства, надеясь еще спасти сына от военной службы. Ее надежды едва не остались тщетными: уже Тимофей был назначен к исключению из духовного звания для определения в военное училище, когда опять сжалился над ним старший брат, служивший причетником при одной из новгородских церквей. Несмотря на крайнюю нищету, решился он взять брата на свое содержание и умолил начальство определить его в духовное училище. И 11 декабря 1738 года он был зачислен в Новгородскую духовную славянскую школу при архиерейском доме.

В 1740 году старанием нового епископа Новгородского Амвросия духовная славянская школа была преобразована в духовную семинарию. Из общего тысячного состава учащихся духовной школы Тимофей, как один из способнейших к наукам, был переведен во вновь открытую семинарию и принят на казенное содержание. Начальство Новгородской семинарии присвоило ему новую фамилию – Соколовский. О годах семинарской жизни святитель Тихон вспоминал впоследствии: «Я продолжал учение на казенном коште и терпел великую нужду, по недостатку потребного к содержанию и так бывало: когда получу казенный хлеб, то из оного половину оставляю для продовольствия себе, а другую половину продам; куплю свечу, с ней сяду на печку и читаю книжку. Товарищи мои, богатых отцов дети, случалось, иногда найдут отопки моих лаптей и, смеясь надо мной, начнут ими махать на меня, приговаривая: «Величаем тя!». Им же довелось впоследствии кадить еп. Тихону фимиам.

Юноша, всегда стоявший впереди всех своих сверстников, переходил успешно в высшие классы. Почти 14 лет обучался он в семинарии: два года грамматике и по четыре года – риторике, философии и богословию. Длительный период обучения связан с тем, что в недавно открытой семинарии был недостаток учителей.

В 1754 году Тимофей окончил семинарию. Один из исследователей так характеризует годы его пребывания в ней: «Во время всеобщего увлечения схоластикой, когда в самой семинарии, воспитавшей святителя, преобладала над всем схоластическая ученость, когда между словом и делом, между мыслью и действительностью не было ничего почти общего, когда о многом и очень хорошо говорили, но очень мало или же совсем ничего не делали, святитель Задонский был человеком совершенно чуждым указанных недостатков и противоречий». Тимофей был назначен преподавателем сначала греческого языка, затем риторики и философии. Молодого учителя, отличавшегося необыкновенной сердечностью, скромностью и благочестивой жизнью, все очень любили и уважали – и ученики, и семинарское начальство, и новгородские архиереи.

Будущий святитель в тот период своей жизни все более прилагал ум и сердце Богу, изучая дивные пути Его и стремясь к иночеству и богомыслию. Промысел Божий готовил в нем доблестного подвижника и светильника Церкви Русской и, охраняя его от опасностей, явно указывал на его высокое предназначение.

Святитель Тихон по милости Божией стяжал способность особого духовного зрения. Однажды в майскую ночь Тимофей вышел из келлии и увидел разверзшиеся небеса и дивный свет. Вскоре после бывшего ему видения он окончательно решил стать иноком.

16 апреля 1758 года, в Лазареву субботу, Тимофей Соколовский был пострижен в монашество с именем Тихон. После пострига он был вызван в Петербург, где Новгородский епископ Димитрий (Сеченов) рукоположил Тихона во иеродиакона, а летом того же года – во иеромонаха. В том же году иеромонах Тихон стал преподавать философию и был назначен префектом семинарии, но недолго оставался в этой должности. Епископ Тверской Афанасий (Вольховский), хорошо знавший дарования и благочестивую жизнь отца Тихона, ходатайствовал о его переводе в свою епархию. Указом Святейшего Синода от 26 августа 1759 года иеромонах Тихон был переведен в ведение Тверского архиепископа, который возвел его в сан архимандрита и назначил настоятелем Желтикова монастыря. В том же году архимандрит Тихон был назначен ректором Тверской семинарии и настоятелем Отроча монастыря. Одновременно он состоял присутствующим в духовной консистории и преподавателем богословия в семинарии.

Так быстро подвигался Тихон на поприще духовном, как светильник, который не мог оставаться под спудом. Многим уже было известно внутреннее его достоинство, и его ожидала высшая степень епископства. Два года провел он в должности ректора, и уроки богословия, составленные им для учеников своей семинарии, послужили основанием замечательной его книги о истинном христианстве, к назиданию всей отечественной Церкви, так как сам он был весь проникнут духом Св. Писания и творений отеческих. Тихон по своему глубокому смирению никогда не думал, что он может когда-либо достигнуть степени епископской, но Промысл Божий таинственно указал на него верховным пастырем Русской Церкви.

Однажды в день Пасхи, на Божественной литургии, во время Херувимской песни, подошел он вместе с другими пресвитерами к архиерею, который вынимал частички у жертвенника, и на его обычное прошение «Помяни мя, владыко святыи» преосвященный Афанасий, забывшись, отвечал: «Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем». Смутился смиренный архимандрит, но архипастырь, улыбаясь, сказал ему: «Дай Бог вам быть епископом». А в этот самый день митрополит Димитрий, первенствующий член Синода, вместе с епископом Смоленским Епифанием избирали викария в Новгород. Уже были написаны имена семи кандидатов, выбор коих должен решиться по жребию, когда Смоленский епископ просил приписать к ним еще имя Тверского ректора, и хотя митрополит заметил, что он еще молод, однако велел записать. Три раза метали жребий, и три раза выпадал жребий Тихона. «Видно Богу так угодно, – сказал Димитрий, – хотя и не туда я думал его назначить, а в архимандриты Сергиевой лавры».

13 мая 1761 года архимандрит Тихон был хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии, с тем, чтобы, управляя Хутынским монастырем, быть викарием архиепископа Новгородского. Так, на 37-м году жизни, через семь лет по окончании семинарского курса и через три года по принятии монашества, архимандрит Тихон по воле Божией был облечен архиерейским саном.

С любовью встретили новгородцы своего нового пастыря, воспитанного в их кругу, которого издавна привыкли уважать по его монашеской жизни. Многие из его товарищей, которые смеялись над его лаптями, были уже тогда священниками и диаконами в Новгороде. С большим смущением предстали они своему владыке, ожидая от него укоров, но владыка Тихон встретил их кротко, как некогда Иосиф братьев своих в Египте, словом мира: «Не бойтесь, я Божий». Епископ Тихон, улыбаясь, напомнил их детские годы: «Вы на меня махали отопками, а теперь будете кадилами махать, – и, видя их смущение,

прибавил, – я это шутя вам говорю». Сестра Тихона, жившая в Новгороде, видела торжественную встречу брата своего и не смела к нему явиться, но он сам пригласил ее на другой день и они вспомнили со слезами тяжкие годы своего детства в крайней нищете. «Ты, родная, никогда не наскучишь мне, – говорил ей Тихон, – потому что я тебя почитаю как старшую сестру». Но не больше месяца прожила она под кровом братским – сам он отпел ее.

Недолгое время суждено было святителю находиться в Новгороде – немногим более года. 3 февраля 1763 года, после кончины епископа Воронежского и Елецкого Иоанникия (Павлуцкого), он получил новое назначение на Воронежскую кафедру.

Воронежская епархия, в состав которой помимо Воронежской губернии входили некоторые города Тамбовской, Орловской и Курской губерний, а также земля Войска Донского, нуждалась тогда в преобразованиях. До 800 церквей и более 800 тысяч жителей составляли обширную паству святителя Тихона, но она была лишена всех вещественных средств, потому что в это самое время были отобраны церковные имущества, а положенные по новым штатам оклады еще не производились. Напрасно писал о том свт. Тихон к властям светским и духовным, представляя затруднительность своего положения, упадок образования духовного, разрушение самих зданий церковных и убожество соборной церкви.

Еще большим бедствием в жизни Воронежского края был раскол. Широкие степи Дона сделались с конца XVII века удобным и излюбленным местом укрытия преследовавшихся правительством старообрядцев и сектантов. Нелегко было святителю Тихону бороться с нестроениями церковной жизни. Его добрым намерениям ставились препятствия как со стороны отдельных лиц, так и со стороны всякой власти. Поэтому он должен был искать себе помощи свыше и в силе своего духа, в благодатном обилии пастырской своей ревности.

Одновременно занялся святитель и сооружением вещественных храмов, и обновлением нерукотворенных, которые составляли Церковь Бога живаго (2Кор. 6, 16), особое внимание обращая на развитие и правильную постановку школьного духовного образования. Так как кафедральный собор его приходил в совершенную ветхость, святитель Тихон на другой же год своего прибытия одним только подаянием начал строить другой каменный Архангельский собор, который имел утешение довершить во время своего управления. Вместо семинарии нашел он в архиерейском доме на скудном иждивении одно только убогое училище славянского языка, потому что по новым штатам были уничтожены прежние сборы с имуществ церковных. Свт. Тихон старался, сколько мог, поддерживать своими средствами эту школу, завел и другие по городам и, как только получен был первый незначительный оклад, немедленно собрал в Воронеже полную семинарию (1765 год) и выписал для нее духовных учителей из Киева и Харькова, так что в короткое время она достигла цветущего состояния. И могло ли быть иначе, когда сам пастырь непрестанно о ней заботился, зная, что она послужит для нравственного утверждения вверенной ему паствы. Часто посещал он классы и знакомился с характером учеников, действуя на них личным своим присутствием, гораздо более нежели через доверенных людей. Он указывал им какого лучше держаться порядка для образования юношей, отмечал назидательные места из духовных писателей и сам словесно поучал учеников; отличавшихся между ними ободрял подарками, вручая книгу или платье, иногда поощрял и денежным жалованием или принимал их на полное казенное содержание. И сверх того, святитель учредил для семинаристов по воскресным дням открытое преподавание Закона Божия в соборном храме.

Святитель весьма хорошо чувствовал, что для нравственного усовершенствования своей паствы прежде всего необходимо подготовить достойных пастырей, непосредственно ею руководящих. Духовное образование имело также решающее значение в борьбе с расколом и сектантством. Поэтому-то его первой заботой была как организация школ для бедных детей духовенства, так и для самого духовенства. Вскоре по своем приезде он написал для духовенства особую книжку под названием «Должность священническая о седми

таинствах» и разослал ее по всем монастырям и приходам для безмездной раздачи священникам. Книжка свт. Тихона была как малый катехизис, в котором излагалось по вопросам и ответам учение о каждом таинстве с убедительным внушением благоговейно совершать их. В следующем году дополнил он сей катехизис, присовокупив к нему более подробное наставление «О таинстве покаяния» для руководства неопытных священников при исповеди: как им беседовать с людьми, хотящими раскрыть пред ними свою душу. Не довольствуясь тем, написал он еще год спустя «Окружное послание» духовенству своей паствы, внушая пресвитерам скромное и трезвенное житие, братолюбие взаимное и любовь к прихожанам и напоминая словами евангельскими высокий долг их звания. И на духовные должности святитель старался ставить лиц достойных и особо требовал, чтобы каждый священнослужитель имел Новый Завет и ежедневно его читал. В то же время начертал и руководство для духовных правлений с увещанием блюсти правосудие и присягу. Таким образом ничего не было забыто заботливым архипастырем для вразумления поставленных на духовной страже.

Святитель Тихон был близок народу как по своему убогому происхождению, так и по первоначальному воспитанию, а потому особенно любил людей простого звания и умел с ними сближаться искренним словом, которое доступно было сердцу каждого. Соображаясь с духовной нуждой народа, добрый пастырь составил четыре малые книжки под заглавиями «Краткое увещание для всегдашней памяти о смерти», «Заметки из Св. Писания для возбуждения грешников от греховного сна», «Наставление во взаимных обязанностях родителей и детей», «Плоть и дух – взаимная их борьба в человеке». Святитель велел священникам прочитывать сии книжки народу вместо церковных поучений.

В Воронежском крае еще имели место давние языческие обряды. Особенно сильно возмущался дух святителя существованием «годового торжества» в честь языческого божества Ярилы, сумасбродством и пьянством во время масленицы.

В творениях его, появившихся в Воронеже, читаем: «Души многих находятся в худом состоянии... расслаблены, разболелись, требуют врачевства и целительного пластыря»; «христианской веры и жития равного и следов не видано»; «предерзости, злодеяния, насилования, озлобления и прочия беззакония от злых и пагубных людей все более и более умножаются»; «многие, нынешнего наипаче века, люди то до болезни, то до старости, то до смерти отлагают покаяние... грех тяжкий, и точно прелесть диавольская. Знак есть крайнего о спасении нерадения и сна греховного».

Святитель Тихон против этого принимал самые решительные меры. Однажды он сам явился на праздник Ярилы. Видя пред собою святителя, одни «от стыда разбежались с площади игрища», другие «в угрызении совести» молча пали к ногам святителя, третьи «в горячности своего покаяния испрашивали прощения». Игрищные и торжищные палатки в присутствии святителя были разрушены.

А на другой день архипастырь созвал к себе в обитель всех городских священников и лучших граждан и в обличительном слове объяснил им все безобразия бывшего торжества, умоляя навсегда его оставить. В ближайшее воскресенье назначил он всенародное собрание в кафедральном соборе и там опять произнес сильное слово против языческого требища. Изложив сперва до какой степени оно беззаконно и недостойно христиан, напомнил он православным, что они записаны в воинство Христово и уже отреклись при святом крещении от сатаны и его ангелов, но, забыв свое высокое звание, начинают бесчинствовать и от беззаконных игр доходят даже до смертоубийства в угождение диаволу, ибо это требище установлено еще со времен язычества. Потом обратился к священникам, которые поставлены на страже дома Божия, и напомнил им строгую их ответственность, если допустят по своей беспечности гибель христианских душ. Не убоился он сказать сильное слово и светским властям, присутствовавшим в соборе, чтобы твердо исполняли долг свой, наблюдая за благочинием народа. И отцов семейств, и старейших из горожан проповедью увещевал: не оставаться равнодушными к такому позору, но удерживать детей своих и подчиненных от участия бесовских требищах, чтобы не дать случая врагам Православия

кошунствовать над Святой Церковью и обесславить самый город, где совершается такое хульное празднество, которого недостойное имя должно бы истребиться из памяти народа.

Слово сие, одушевленное простосердечием и пастырской ревностью, имело удивительный успех; рыдания в церкви заглушали голос проповедника, все покаялись с сокрушением сердца, и к вечной славе доброго пастыря языческий обычай навсегда был оставлен в Воронеже. Это было торжество христианства и любви достойное первых времен проповеди слова Божия. Тихон смиренно благодарил Бога за дарованный ему успех. Простотой и силой проповеди святитель Тихон также вернул в Православие не одну тысячу старообрядцев. «Влияние его на раскольников было велико, – отмечает историк. – Даже наиболее упорствовавшие из них, не возвратившиеся в лоно Православия, несомненно, чттили его».

Святитель Тихон был чрезвычайно деятелен, ни одной свободной минуты у него не проходило напрасно, он все слишком близко принимал к своему любвеобильному сердцу. Заботясь об пастырях и о пасомых, святитель не забывал и о церковном благолепии: о ремонте и благоустройстве храмов, о церковной утвари, священных сосудах и святых иконах. Ни одной праздничной церковной службы не пропускал святитель Тихон и не оставлял без назидания свою паству. В своих поучениях он особенно ополчался против сребролюбия и различных видов хищения, безнравственных увеселений, против роскоши, скупости и недостатка любви к ближним. Святитель смело обличал во всей наготе и безобразии эти и им подобные пороки.

Случалось, однако, кроткому пастырю терпеть и осуждение за свою благочестивую ревность, ибо не везде находил благоприятную почву для сеяния слова Божия. Немошным людям не нравилось иногда, что святитель во время общего бедствия налагал особые посты на граждан, но страх оскорбить его заставлял повиноваться, ибо уже заживо видели в нем угодника Божия и говорили между собою: «Нельзя не послушаться. Богу пожалуется». Действительно, бывали случаи, когда Господь видимо наказывал ослушников. Ехал однажды Тихон на погребение помещика через село Хлевное, по Московской дороге. Там грубые жители долго задержали его, не давая лошадей, под предлогом будто их нет, когда, напротив, были ими весьма богаты. Вскоре после того пали у них почти все лошади, так что они пришли в крайнюю бедность и почувствовали вину свою, что оскорбили человека Божия. Несколько лет спустя, когда уже Тихон жил на покое в Задонске, они пришли просить у него разрешения в вине своей, жалуясь, будто кроткий святитель их проклял. Тихон лежал больной и не мог принять их, но велел сказать им, что никогда и не думал их проклинать, а только Бог их наказал за неуважение к своему пастырю.

Постоянные труды и заботы, от которых святитель Тихон никогда не имел отдыха, также неприятности и частые затруднения при исполнении благих намерений сильно расстроили здоровье святителя. Епископ Тихон сожалел, что не может с прежней неутомимостью трудиться на пользу Церкви Божией. И в 1767 году он вынужден был оставить управление епархией и удалиться на покой. Ему была назначена пенсия и дозволено жить там, где он пожелает.

Недолговременна была церковно-общественная деятельность святителя Тихона на Воронежской кафедре – четыре года и семь месяцев, но и за такой сравнительно короткий срок он оставил благотворный след в области духовного просвещения, и в церковном благоустройстве, и в миссионерском деле. После ухода за штат свт. Тихон более 15-ти лет пребывал на покое в монастырях Воронежской епархии: до 1769 года – в Толшевском Спасо-Преображенском монастыре, а затем – в Задонском монастыре.

Уединенный Толшевский монастырь, за сорок верст от Воронежа, привлек к себе внимание святителя глубокой своей тишиной среди дремучих лесов. Он надеялся, что свежий воздух и спокойствие при сельских работах восстановят его силы, но болотистая местность оказалась неблагоприятной для его здоровья. Более года колебался святитель и наконец на следующий 1769 год, во время Великого поста, решился переменить место, избрав для своего мирного убежища обитель Задонскую, благоприятную по климату, где

водворился навсегда в небольшом каменном доме, пристроенном к колокольне у самых ворот.

Поселившись в этом монастыре, святитель Тихон стал великим учителем христианской жизни. В те годы он написал свои лучшие духовные произведения, в которых с глубокой мудростью развил идеал истинного монашества. Это «Правила монашеского жития» и «Наставления обратившимся от суетного мира». Этот идеал святитель воплотил и в жизни своей. Он строго хранил уставы Церкви и ревностно (почти ежедневно) посещал храмы Божии, часто сам пел и читал на клиросе, а со временем по смирению совсем оставил участие в совершении служб и стоял в алтаре, благоговейно ограждая себя крестным знаменем. Любимым келейным занятием его было чтение житий святых и святоотеческих творений. Псалтирь он знал наизусть и в пути обычно читал или пел псалмы. Своей жизнью святитель учил всех окружающих тому, как надо жить, чтобы спастись. Подвижническая жизнь святителя Тихона, его неземная доброта утверждали людей в мысли о высоком достоинстве христианской веры.

По мере укрепления сил своих святитель стал испытывать сердечную скорбь о своей мнимой праздности, как это свойственно людям деятельным, которые внезапно чувствуют себя на свободе. Обилие времени точно так же тяготило его душу, как некогда и недостаток его для пастырских занятий. Ему казалось, что он совершенно бесполезен для общества, а между тем получает пенсию за прежнюю службу. К тому же укорял себя даже и в том, что принял, хотя и на краткое время, сан епископский, считая себя недостойным его. Такие мрачные думы волновали его сердце, и он часто о том говорил своим присным; писал даже первенствовавшему в Св. Синоде митрополиту Гавриилу, который знал его лично и уважал. Думая его успокоить, митрополит предложил ему в управление Валдайский Иверский монастырь, близ места его родины, но Тихон не решался, борясь с помыслами, еще однажды переменить место, избранное им для покоя. Но, совершенно покоров себя воле Божией, твердо сказал: «Хотя умру, а не выйду отсюда!» И с этой минуты стал спокойнее. Еще его успокоило слово простого старца, как тайное указание Промысла Божия. Был в Задонске некто Аарон, уважаемый им за строгую жизнь. Однажды келейник святителя, встретив инока у святых ворот, сказал, что преосвященный имеет неперменное желание выехать из Задонска в Новгородскую епархию. Аарон отвечал: «Божия Матерь не велит ему отсюда выезжать». Когда келейник передал ему слова старческие, святитель Тихон смиренно отвечал: «Да я не поеду отсюда» – и порвал уже приготовленную просьбу. Совершенно отложив всякую мысль о перемещении из Задонска, он решился посвятить себя вполне служению ближним, чтобы быть полезным Церкви, хотя и не на кафедре святительской.

Любил святитель беседовать с каждым о спасении души. Он собирал вокруг себя детей и учил их молиться Богу, входил в разговор с крестьянами и учил любви к труду и страху Божию, делил скорби несчастных. Иногда выезжал к знакомым, и чаще тогда, когда не ожидали его, но имели нужду в его советах. Нищих стекалось к нему множество, и всем им раздавал он милостыню, когда возвращался из церкви, или на крыльце через келейников, но ни в какое время никому не отказывал из убогих. Часто вступал сам в беседу с монастырской братией, с послушниками и простыми богомольцами, допуская каждого к себе под благословение и стараясь по возможности утаить от них высокий свой сан, чтобы свободнее раскрывали пред ним свою душу; посему встречал их на дворе или у своего крыльца в простой иноческой одежде, расспрашивал о нуждах и трудах, и для каждого у него было назидательное слово. Кроме устных бесед, вел благочестивую переписку, излагая мысли в письмах. Когда случалось, что кто-либо из соседних крестьян пострадал от неурожая или пожара, добрый пастырь давал ему по возможности пособие деньгами, которые сам заимствовал у благодетелей. Если же кто из богомольцев дорогой заболел, то принимал его в свой дом и держал до выздоровления, а иным посылал на дом пищу или лекарства; никто из болевших среди монастырской братии не оставался без его призрения. Не только людям простым оказывал он помощь, но и сиротам из дворянского звания не

отказывал. Пользуясь общим уважением, ходатайствовал в судах за притесняемых и давал от себя просительные письма, которые имели благоприятное влияние. Поэтому можно судить, до какой степени было к нему привязано все окрестное население.

Сострадал чадолюбивый пастырь и заключенным в тюрьмах за долги и за преступления и нередко посещал их. Заключенные встречали его как отца, и он радушно садился между ними, будто в кругу семьи, расспрашивал каждого о вине его и старался пробудить в нем раскаяние или внушить терпение для перенесения своей участи.

Святителю Тихону обязана своим возрождением и женская Знаменская обитель в г. Ельце. Случился большой пожар в 1769 году, от которого сгорел девичий монастырь, и все монахини были переведены в Воронеж. Одна только послушница решилась по благословению святителя водвориться на пепелище бывшей обители, ибо он предсказал, что по молитве усопших стариц опять возобновиться обитель. Послушница нашла там убогую старицу, которая устроила себе келлию из каменного погреба, и мало-помалу собралось к ним несколько сестер. При пособии святителя и одного из благочестивых граждан елецких соорудилась небольшая деревянная церковь во имя Знамения Богоматери и образовалась при ней община, которая и возведена была в женский монастырь.

С годами святитель Тихон все более увеличивал свои подвиги. Жил святитель в самой простой обстановке: спал он на соломе, накрываясь овчинным тулупом. Трапеза его была самая скудная, но и тут он говаривал, как бы упрекая себя в роскоши: «Слава Богу, вот какая у меня хорошая пища, а братия моя: иной бедный в темнице сидит, иной без соли ест – горе мне окаянному». Одежду имел самую простую, потому что он хотел быть иноком и подвижником в полном смысле слова. В баню никогда не ходил и не любил, чтобы ему прислуживали, разве только когда бывал болен. Смирение его доходило до того, что на насмешки, которые нередко сыпались ему вслед, святитель не обращал внимания, делая вид, что их не слышит, и говорил после: «Богу так угодно, что служители смеются надо мною, – и я достоин того за грехи мои». Часто говорил он в подобных случаях: «Прощение лучше мщенья». Всю свою жизнь святитель «досады, скорби, обиды радостно терпел еси, помышляя, яко венец без победы, победа без подвига, подвиг без брани, а брань без врагов не бывает» (6-я песнь канона).

В минуты искушений затворялся он в келлии и, повергаясь на землю, с рыданием молил Господа избавить его от лукавого. Большую часть ночи проводил в бдении и молитве и только на рассвете давал себе часа четыре покоя и еще около часа после обеда. Потом выходил на прогулку в монастырский сад, удаляясь куда-нибудь в чащу деревьев, но и тут любил погружаться в богомыслие. Плодом его размышлений о природе и о людях были творения, которые святитель завершил на покое, «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1770 г.), «Об истинном христианстве» (1776 г.).

Подвигами самоотречения и любви душа святителя возвысилась до созерцаний небесного и прозрений будущего. Он предсказал много из судеб России, в частности, говорил о победе России в Отечественной войне 1812 года. Не раз святителя видели в духовном восхищении, с измененным и просветленным лицом, но он запрещал говорить о том.

За три года до кончины святитель Тихон каждый день молился и со слезами просил Бога: «Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих!» И вот однажды на утренней заре он услышал тихий голос: «В день недельный будет конец жизни твоей». Это святитель открыл своему ближайшему другу отцу Митрофану. Духовный благодатный мир, который наступает после борьбы, в то время уже обитал в святой душе подвижника.

В праздник Рождества Христова 1779 года святитель в последний раз был в храме на Божественной литургии. 29 января 1782 года святитель составил духовное завещание, в котором, воздав славу Богу за все Его благодеяния к нему, словами апостола Павла выразил упование на милость Божию и за пределами земной жизни. Свою кончину святитель предугадал и предсказал за три дня, позволив в тот день всем знакомым приходить к нему прощаться. 13 августа 1783 года, «в день недельный», в шесть часов сорок пять минут утра

душа святителя разлучилась с телом. «Смерть его была столь спокойна, что он как бы заснул». Так окончил свою многотрудную жизнь на 59-ом году от рождения святитель Тихон Задонский.

До самого дня погребения множество поселян и городских жителей из Ельца и Воронежа приезжали в обитель и требовали панихид над усопшим, так что не доставало иеромонахов для службы и нужно было содействие окрестных священников. После отпевания, которое совершилось только 20 августа, тело блаженного Тихона руками священников было перенесено под алтарь соборной церкви в специально приготовленный для него склеп.

Благоговейно была чтима память святителя Тихона в Задонске не только теми, которые знали его лично, но и теми, которые о нем только слышали или читали его назидательные творения. Панихиды о святителе непрестанно совершались над его гробницей, и вскоре после его блаженной кончины начались знамения и исцеления, свидетельствовавшие о его небесной славе.

И 12 августа 1861 года святитель Тихон был причислен к лику святых Русской Церкви. На следующий день в г. Задонске при огромном стечении паломников со всех концов России митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Исидором (Никольским) в сослужении многочисленных иерархов и духовенства были открыты мощи святителя Тихона. В день памяти свт. Тихона была совершена соборная литургия, после которой начался крестный ход со святыми мощами не только кругом собора, но и вокруг обители Задонской, где он и почил от трудов своих. Умилительное зрелище было. Весь монастырский двор, все крыши, ограда и высокая колокольня были унизаны народом, который, держась друг за друга, сидел так с раннего утра, чтобы только занять места; даже все деревья монастырские были покрыты людьми. Народ бросал уборы и полотна по всему протяжению крестного пути; холсты и полотенца летали по воздуху через головы проходящих, так что более чем на аршин высоты (0,71 м) накинато их было по той дороге, где проходило шествие, и собрали до 50 тысяч аршин холста, которые были розданы убогим, чтобы святитель Тихон и в день своего прославления, как бывало при жизни, одевал убогих. Так светильник был водружен на свещнице, «да светит всем, иже в храмине суть». И днем памяти святителя Тихона установлено 13/26 августа.

Максим Московский чудотворец, блаженный – прославление

Блаженный Максим, Христа ради юродивый, жил в Москве. О его родителях, времени и месте рождения ничего неизвестно. Святой Максим избрал один из самых трудных и тернистых путей ко спасению, добровольно, Христа ради приняв на себя личину юродивого. Летом и зимой Максим ходил почти нагим, переноса с молитвой и зной, и холод. «Хоть люта зима, но сладок рай», – говорил он, поучая всех терпению и перенесению житейских невзгод.

Русь очень любила своих юродивых, ценила их глубочайшее смирение, внимала их мудрости, высказанной доходчиво и образно народным языком пословиц. И слушали юродивых все: от великих князей до последнего бедняка.

Блаженный Максим жил в тяжелые для русского народа времена. Татарские набеги, засуха, эпидемии разоряли и губили людей. Святой говорил обездоленным: «Не все по шерсти, ино и напротив... за дело побьют, повинись, да пониж поклонись; не плачь битый, плачь небитый; оттерпимся, и мы люди будем; исподволь и сырые дрова загораются; за терпение даст Бог спасение». Но не только слова утешения говорил святой. Его гневных обличений страшились сильные мира сего: купцы и московская знать. Блаженный Максим говорил им, знатым да богатым: «Божница домашня, а совесть продажна; всяк крестится, да не всяк молится; Бог всякую неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». Обличения юродивого не оставались бесплодными, многие из москвичей обращали свои сердца к Богу.

Скончался блаженный Максим 11 ноября 1434 года и был погребен у церкви святых князей Бориса и Глеба. Господу было угодно прославить чудесами Своего угодника: у гроба

святого стали совершаться исцеления. 13 августа 1547 года были обретены нетленные мощи блаженного Максима и тогда же ему было установлено ему празднование. В Окружной грамоте митрополита Московского Макария сказано: «Пети и праздновати на Москве, августа в 13-й день, новому чудотворцу Максиму, Христа ради юродивому». Храм в честь благоверных князей Бориса и Глеба, рядом с которым был погребен святой Максим, сгорел в 1568 году. Но святые мощи Максима оставались под спудом. Благоговейные почитатели памяти святого построили над его могилой придел в честь святого Максима Исповедника.

В «Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе» (около 1634 г.) под 11 ноября сказано: «Максиму юродивому: благовест в лебедь, средней»; под 12/13 августа: «Праздновали прежде сего Максиму блаженному: благовест в лебедь, звон средней; а ныне только празднуют в ноябре, а поют по уставу».

В 1698 году по усердию московских жителей Максима Верховитина и Максима Шаровникова старый Борисоглебский храм был разобран; при этом отвалившийся от стены камень открыл великое сокровище – целебные мощи святого блаженного Максима. Они были с честью перенесены в один из московских соборов, где и находились во все время постройки нового храма. По окончании строительства он был освящен во имя блаженного Максима Московского с приделом в честь прп. Максима Исповедника. Около сорока лет хранились мощи блаженного в этом храме. В 1737 году произошел сильный пожар, во время которого сгорел храм во имя Максима Московского. Уцелевшие части мощей блаженного Максима были благоговейно собраны и переданы в Максимовский храм в 1768 г. Священнику этого храма Никите Иванову было поручено изготовить кипарисовый ковчег, украшенный серебром, что и было им исполнено в 1770 году.

В «Повести» о перенесении мощей блаженного Максима сказано: «О святом же житии его и чудесех его глаголют мнози, еже была не малая книга написаная, но не вем, како из церкви изгиге или кто у прежде бывших священников взял ради списания».

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца, глас 8

От юности возлюбил еси Христа, блаженне,/ образ всем был еси словом, житием, любовью,/ духом, верою, чистотою и смирением,/ темже и вселился еси в Небесныя обители,/ идеже предстоя Престолу Пресвятыя Троицы,/ моли, святителю Тихоне,/ спастися душам нашим.

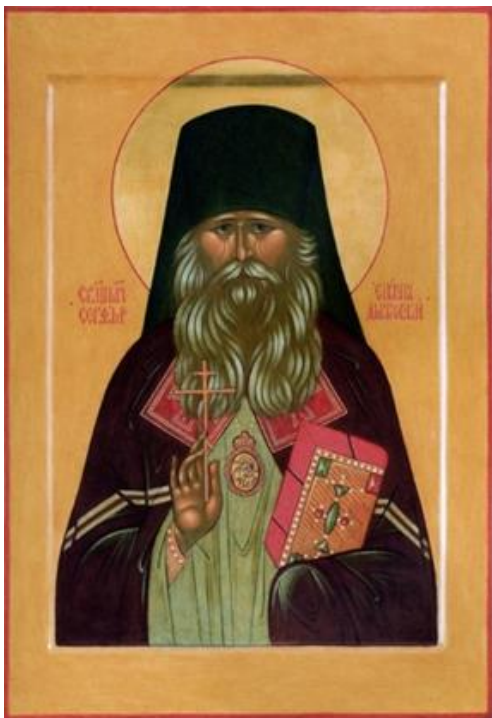
Ин тропарь святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца, глас 4

Православия наставниче, благочестия учителю,/ покаяния проповедниче, Златоустаго ревнителю,/ пастырю предобрый,/ новый России светильниче и чудотворче,/ паству твою добре упасл еси/ и писаньми твоими вся ны наставил еси,/ темже венцем нетления/ украшен от Пастыреначальника,/ моли Его спастися душам нашим.

Кондак святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца, глас 8

Апостолов преемниче,/ святителей украшение,/ Православный Церкви учителю,/ Владыце всех молися/ мир вселенней даровати/ и душам нашим велию милость.

Священномученик Серафим (Звездинский)

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

26 февраля - Собор святых Омской митрополии

26 августа

7 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

10 декабря - Собор новомучеников и исповедников Радонежских

Сщмч. Серафим (Звездинский), в миру Николай, родился в 1883 году. Окончил Московскую духовную академию, принял монашество в 1908 году. В 1920 году хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. За ревностное пастырское служение неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1932 году осуждён на 3 года ссылки в Казахстан, затем переведён в Омскую область. 26 августа 1937 года расстрелян за "контрреволюционную" деятельность в Ишиме.

Прославлен в лике святых новомучеников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года.

Составитель И. Г. Менькова

Священномученик Серафим (в миру Николай Иванович Звездинский) родился 7 апреля 1883 года в семье единоверческого священника Иоанна Звездинского.

Начало свое Звездинские берут от рода Бонефатьевых, старообрядцев-беспоповцев. Иван Гаврилович Бонефатьев, будущий отец владыки Серафима, горя желанием просвещения, пешком отправился из Солигалича в Петербург и подал прошение на Высочайшее имя о своем причислении к Православной Церкви. Он был принят в единение с Российской Православной Церковью, наименован Звездинским и определен на должность чтеца при храме на Волковом кладбище в Петербурге, где у него обнаружились редкие музыкальные способности и прекрасный голос.

В Петербурге он женился на дочери единоверческого священника Евдокии Васильевне Славской, принял духовный сан и получил место священника во Ржеве. С начала 80-х годов отец Иоанн служил в Москве. Состоя настоятелем Троицкой церкви, отец Иоанн Звездинский заслужил всеобщую любовь и уважение и вскоре был назначен благочинным всех единоверческих храмов.

В 1885 или 1886 году скончалась совсем молодая супруга отца Иоанна, и трехлетний Николай остался без матери.

Рассказывая о своем детстве, владыка отмечал, что его, маленького, неопустительно будили в церковь к ночной службе под праздники. Утренняя по единоверческой традиции

совершалась ночью. И в холод, и в непогоду его вели в храм, где он часто засыпал, но присутствие на богослужении считалось необходимым для воспитания.

Отец приучал Колю любить церковную службу, храм, пение и чтение. На клиросе Коля читал охотно и четко. Чтобы он мог видеть лежащий на аналое Часослов, подставляли скамеечку. Однажды маленький Коля вошел в алтарь через царские врата. Видевшие выразили уверенность, что младенец станет служителем Престола Божия.

Взирая на отца, совершавшего литургию, Коля с трепетом внимал его пламенной молитве. «Видно, папа за меня молился в то время, – говорил потом владыка. – Может быть, он испросил у Бога и эту милость, что я пошел по пути служения Церкви Божией».

Учиться Колю отдали в церковное училище при единоверческой церкви, а по окончании ее, в 1895 году, – в Заиконоспасское Духовное училище, что на Никольской улице.

С 1899 года Николай Звездинский – учащийся Московской Духовной семинарии.

В комнате Коли висел образ святителя Николая во весь рост, перед которым он ежедневно молился о даровании способности говорить слово Божие – поучения и проповеди. И Господь наградил его этим даром.

В храме Христа Спасителя в Москве епископом Парфением (Левицким), бывшим незадолго до этого ректором семинарии, совершено было посвящение Николая в чтеца и иподиакона.

В 1902 году, на втором курсе семинарии, когда Коле было 19 лет, он тяжело заболел лимфангоитом, болезнью, тогда практически неизлечимой, но чудесным образом был исцелен по молитве перед привезенным игуменом Саровской пустыни Иерофеем образом еще не прославленного старца Серафима. В Саров отец Иоанн послал заверенное врачами свидетельство об исцелении и благодарственное письмо отцу Иерофею. Образ кроткого старца навсегда стал семейной святыней и сопровождал владыку Серафима почти всю его жизнь. Через год после этого Коля стал свидетелем и участником торжеств прославления преподобного Серафима Саровского. Исполненный благодарности за исцеление сына, отец Иоанн написал службу преподобному Серафиму.

Семинарию Николай Иванович Звездинский окончил в 1905 году одним из лучших учеников и поступил в Московскую Духовную академию.

За годы учения в академии Николай утвердился в выборе монашеского пути. У раки преподобного Сергия вместе со своим другом Виталием Ставицким (будущим епископом Филиппом) дал он обет принять постриг.

В это же время стал он духовным сыном старца Зосимовой пустыни иеромонаха Алексия (Соловьева).

В канун Крещения 1907 года скончался отец Николая, протоиерей Иоанн Звездинский. Единоверцы обратились к Московскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому) с просьбой поставить Николая Ивановича настоятелем на место отца. Но владыка, видя в Звездинском яркие духовные дарования, их желание не исполнил.

Вероятно, в Зосимовой пустыни Николай познакомился с архимандритом Чудова монастыря Арсением (Жадановским) и вскоре стал частым его посетителем. Отец Арсений полюбил скромного, духовно настроенного студента. Беседовал с ним как с другом, живо интересуясь его жизнью.

Однажды отец Герасим (Анциферов), имевший послушание стоять у раки святителя Ионы в Успенском соборе Кремля, взял Николая с собой в гости к духовным чадам и, прибыв к ним, отрекомендовал его:

– Я привел вам нашего Чудовского архимандрита.

– Отец архимандрит, – говорил отец Герасим про Николая отцу Арсению, – это наш будущий настоятель, архимандрит Чудовский.

Решившись на постриг, Николай испросил благословения и молитвенной помощи у своего старца – отца Алексия и у архимандрита Арсения. Отец Арсений благословил его образом Воскресения Христова.

По дороге в Лавру, в день пострига, Николай Иванович попросил сопровождавшего его игумена Зосимовой пустыни отца Германа (Гомзина) сказать свое наставление. «Будь воином Христовым, – сказал отец Герман, – чувствуй себя всегда стоящим в строю перед лицом Начальника твоего, Спасителя Бога. Не видишь, а сердцем чувствуй, зри Его близ себя. Весь будь в струнку, всегда неопустительно. Знаешь, солдат стоит в строю, начальник отошел... воин не видит его, но чувствует его присутствие и стоит начеку, так и ты не забывай, что Бог всегда с тобой!»

26 сентября 1908 года после всенощного бдения совершился монашеский постриг Николая Ивановича с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. Небесным миром сияло его лицо, когда после пострига подходили к нему монахи, спрашивая: «Что ты есть имя, брате?»

В день Казанской иконы Божией Матери, 22 октября 1908 года, в академическом Покровском храме ректор посвятил монаха Серафима в иеродиакона, а 8 июля, на Казанскую следующего, 1909 года, совершилось его посвящение во иеромонаха. В этом же году он окончил Духовную академию со званием кандидата-магистранта богословия и вскоре получил назначение преподавать историю Церкви в Вифанской семинарии.

«Я молился за каждого своего ученика, – вспоминал потом владыка. – Вынимал за каждого частицу на проскомидии, и это, видимо, чувствовали они своими душами».

Жил он строго, много молился и постился: супа 8 ложек, по числу слов молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Маленькие порции обеда делил пополам.

21 сентября 1912 года отца Серафима перевели в Московскую Духовную семинарию на должность преподавателя гомиластики и соединенных с нею предметов.

8 июня 1914 года архимандрит Арсений (Жадановский) был хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии, с оставлением в должности заместителя кафедрального Чудова монастыря, а 10 июня иеромонах Серафим был возведен в сан архимандрита, назначен помощником заместителя монастыря и освобожден от должности преподавателя Московской Духовной семинарии.

С августа 1914 года по август 1915 года он исполнял обязанности столичного наблюдателя церковноприходских школ. В 1914 году он был избран председателем общества хоругвеносцев кафедрального Чудова монастыря.

Исполняя обязанности настоятеля монастыря, архимандрит Серафим был строг к себе и другим в соблюдении уставов монашеского жития. «Миряне несут тяготу на фабриках, заводах, в трудах, – говорил он братии, – поэтому монахам должно со смирением являться на молитвенное бдение в урочный час». Все вопросы управления монастырем отец Серафим согласовывал с епископом Арсением: «Как владыка, так и я».

В Чудовом монастыре пережил отец Серафим обстрел Кремля в 1917 году.

Мощи святителя Алексия, главную Чудовскую святыню, с начала обстрела 27 октября/9 ноября 1917 года перенесли в деревянном гробе в пещерную церковь, в подземелье, где 300 лет назад томился в заключении священномученик Патриарх Ермоген. Здесь, под нескончаемый грохот орудий, днём и ночью молились о России архимандрит Серафим со всей братией и гостями Чудова монастыря, делегатами Поместного Собора – будущим священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), архиепископом Гродненским Михаилом (Ермаковым), архиепископом Новгородским Арсением (Стадническим), епископом Белостокским Владимиром (Тихоницким) и с Зосимовским старцем иеросхимонахом Алексием (Соловьевым).

Представители новой власти закрыли Кремль, с весны 1918 года начали поступать распоряжения о выселении монахов. Осложнилась и внутренняя жизнь братии. 26 июля 1918 года, в день празднования Собора Архистратига Гавриила, епископ Арсений и архимандрит Серафим навсегда покинули Чудов монастырь¹.

---

¹ Окончательно Чудов монастырь был закрыт по приказу от 9 октября 1918 г. Оставшейся братии было предписано удалиться в Новоспасский монастырь.

Погостив в Зосимовой пустыни, владыка Арсений и архимандрит Серафим переехали в августе 1918 года в Серафимо-Знаменский скит к схиигумении Фамари (Марджановой), любящей духовной дочери владыки. Матушка окружила изгнанников заботой; имея в лесу близ скита маленький домик, устроила для них киновию. Здесь, в полном уединении, они молились и трудились: копали грядки, рубили дрова. Отец Серафим читал Священное Писание по правилу преподобного Серафима: за неделю – четыре Евангелия, Деяния Апостолов и Послания. Ежедневно он сослужил епископу Арсению в киновином храме во имя святителя Иоасафа.

Ежедневное совершение Божественной литургии навсегда сроднило их. Всю жизнь они считали потерянными дни, в которые не служили литургию без какой-либо основательной причины: тяжелая болезнь, путешествие или заключение.

В конце лета 1919 года архимандрит Серафим был вызван Святейшим Патриархом Тихоном в Москву. Помолившись, проводил владыка Арсений своего друга и брата. Патриарх объявил, что имеет в нем нужду и желает видеть в епископском сане. Старец Алексей благословил отца Серафима на архиерейское служение.

3 января 1920 года, в день святителя Петра, митрополита Московского, в храме Троицкого подворья Святейший Патриарх Тихон совершил епископскую хиротонию архимандрита Серафима в сослужении митрополита Владимирского Сергия (Страгородского), архиепископа Харьковского и Ахтырского Нафанаила (Троицкого), епископа Вятского Никандра (Феноменова) и епископа Аляскинского Филиппа (Ставицкого).

Вручая посох новопоставленному епископу, Святейший сказал: «Господь призвал тебя быть епископом и сподобил сего великого сана в день празднования первого святителя Московского Петра. Сказано в тропаре сему святому, что он был утверждением граду Москве. Желая, чтобы ты был для града Дмитрова тем же, чем был святитель Петр для Москвы. Будь и ты утверждением граду Дмитрову».

Во время праздничного обеда митрополит Сергей (Страгородский), взяв свою столовую ложку, заметил: «Советую, владыка, запастись ложкой, придется Вам в тюрьму идти. Не забывают этого предмета, он там будет очень нужен».

Патриарх Тихон, напутствуя епископа Серафима на труды архиерейские, сказал: «Иди путем апостольским... где придется пешком – пешком иди. Нигде ничем никогда не смущайся. Неудобств не бойся, все терпи. Как ты думаешь, даром разве кадят архиерею трижды-по-трижды? Нет, не даром. За многие труды и подвиги, за исповеднические его болезни и хранение до крови веры Православной».

25 января 1920 года, в день святой мученицы Татианы, владыка Серафим прибыл в Богом данный ему удел. Еще в 1915 году, будучи Чудовским архимандритом, он проезжал Дмитров, когда вместе с епископом Арсением возвращался в Москву из Пешношского монастыря. Возле собора лошади стали и отказывались двигаться с места. Владыка и архимандрит пошли в собор и приложились к главной святыне города – Животворящему Кресту. Епископ Арсений сказал тогда, что событие это, видимо, не случайное, есть в нем указание на какое-то Божие изволение. И теперь владыка Серафим, в сане епископа прибыв в Дмитров, прежде всего совершил благодарственный молебен.

Три года, проведенные им в Дмитрове, остались для жителей города незабываемыми. Пламенная молитва, приобщение отпавших, взыскание заблудших, утешение старцев, воспитание подростков, непрестанное поучение словом Божиим – таким было его служение.

Дмитровцы полюбили трогательное и вдохновенное служение владыки и старались не упускать возможность с ним молиться. После окончания службы они с пением молитв провожали его до самого дома. Вечерами после всенощной, в темноте, стоя на высоком крыльце, подолгу не расставался епископ со своими чадами, продолжавшими пение акафиста.

Спустя много лет, в 1930 году, находясь уже в изгнании в Меленках, владыка Серафим в письме к своей дмитровской пастве вспомнил это время: «Чада мои, зело о Господе возлюбленные, с ними же разлучен телом, но соединен духом в молитве, премного благодарствую за ваше приветствие моего недостойства с десятилетнего моего странствия. Премного вспоминал вас всех, больших и малых, когда читал житие святителя Григория Акрагантийского, – в сем житии про вас написано: когда епископ вышел из церкви, весь бывший у утрени народ пошел за ним, ибо у акрагантийцев таков был обычай – всегда провожать своего епископа от храма до самого дома. Дошедши до своих дверей, святитель Григорий обращался к провожавшим, давал им разные наставления и благословлял их.

Когда прочитал я эти слова в житии, так и вспомнилась мне служба в Подлипецком храме, как вы меня всегда провожали до дома, и я своими грешными руками благословлял вас всех.

Так и теперь издалеку благословляю вас всех сим библейским благословением. Да благословит вас Господь. Да сохранит вас. Да просветит Господь лице Свое на вас и помилует вас. Да воздвигнет Господь лице Свое на вас и да даст нам мир. Аминь».

В годы служения в Дмитрове владыка учредил братство Животворящего Креста Господня, имевшее целью «в молитвенном единении почерпать духовные силы к созиданию своей жизни по заветам Господа нашего Иисуса Христа – служить Христу и во Христе и ради Христа ближнему». Сыновняя преданность святой Православной Церкви и послушание всем ее узаконениям утверждалась уставом как прямой долг братчиков. Особенно должны стараться братчики проводить в жизнь самую главную евангельскую заповедь: «Любите друг друга».

Архипастырское служение епископа Серафима было утверждением и претворением в жизнь горячей любви ко Христу, христовой любви к ближнему и верности Православной Церкви. Паству свою воспитывал он в духе благоговеющего отношения ко всем церковным уставам, а от священнослужителей требовал их неопустительного соблюдения. Как и в Чудове монастыре, строгим к исполнению обетов и уставов, неустанным, любящим и заботливым наставником стал епископ Серафим для монашествующих своей епархии. Обезжая приходы, вверенные его управлению, он непременно навещал монастыри, посещая их во все престольные праздники. В его викариатстве находились такие известные обители, как древний Николо-Пешношский и Спасо-Влахернский монастыри. Владыка особенно ценил чинность, благообразие и стройность богослужения, отличавшие Влахернскую обитель, почитал подвизавшуюся в нем старицу-схимонахиню Серафиму (Кочеткову). В Николо-Пешношском монастыре, «Второй Лавре», по слову митрополита Платона (Левшина), епископ Серафим по благословению Святейшего Патриарха Тихона возвел настоятеля отца Ксенофонта в сан архимандрита, а в начале 1921 года постриг его в схиму с именем Онуфрий.

Однажды, когда епископ Серафим приехал к своему старцу Алексию, тот благословил его прозрачным темно-красным, как кровь, крестом и прочитал тропарь священномученический: «И нравом причастник, и престолом наместник апостолом быв, деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход: сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадал еси даже до крове».

В один из приездов в Зосимову пустынь, 17 июля 1922 года, накануне праздника преподобного Сергия, исповедавшись у отца Алексия и побеседовав с ним, владыка вышел из келии. Здесь приступили к нему старшие из братии с поклоном и просьбою: «Владыка святей, отец настоятель наш, старец схиигумен Герман, ослаб, управлять почти не может, просим заменить его. Желаем отца Феодорита настоятелем. Хороший хозяин, растит овощи на сельскохозяйственную выставку». – «Забыли, – ответил архипастырь, – что отец Герман пришел в дремучий лес, воздвиг обитель, в которой вы живете. Все создано его трудами и заботами: собор, колокольня, вся обитель. Он великий за вас молитвенник, его молитвами все живете здесь. Но скажу вам: как только охладает рука схиигумена Германа и не будет

перебирать с молитвою четки, все вы рассыпетесь и никого здесь не останется. Господу ваша капуста не нужна».

На праздничной всенощной все ждали, что владыка Серафим выйдет на величание, но после этого разговора с братией он сел в экипаж и уехал в Дмитров.

Всего через полгода, 1 февраля 1923 года, скончался схиигумен Герман. Отпевал его епископ Варфоломей (Ремов). После отпевания духовные чада старца увидели у святых ворот две тройки.

– Что случилось? – спросили богомольцы.

– Приехали, грозят пустынь закрыть²... Поскорее бы зарыть могилу отца Германа.

На Пасху 1922 года епископа Серафима вызвали в Дмитровский исполком. Собрался народ, требовал его возвращения: «Отдайте нам нашего владыку!» Власти разрешили ему выйти на балкон, однако и после этого народ не успокаивался, кричал. Тогда владыку отпустили. Народ с торжественным пением «Христос воскрес!» вернулся в собор со своим пастырем. В конце года пришла повестка – епископа вызывали в Москву. В день Знамени Пресвятой Богородицы, 10 декабря 1922 года, владыка Серафим в последний раз служил в Дмитрове торжественное богослужение.

12 декабря, прибыв в Москву, направился на Лубянку, где был арестован. После окончания допросов его перевели в Бутырскую тюрьму. Обильным потоком потекли передачи. Владыка Серафим делился всем, что получал. Утешал соузников словами сострадания, молитвой, любовью. Совершал здесь Божественную литургию, исповедовал тех, кто никогда не был на исповеди, причащал, ободрял, утешал отчаявшихся и безнадежных. Устройство его сердца в это время хорошо характеризуют строки из письма 1923 года, посланного из Бутырской тюрьмы духовным чадам: «Мир вам и радость от Источника радости Христа Господа, все дорогие, родные дети мои, непрестанно в темничной молитве моей поминаемые: благослови вас Господь, слава Богу за все – и за тюрьму, слава Ему, что не обошел Он меня своею милостию... Благодарю вас всех за вашу любовь ко мне. Милость Божия и Покров Царицы Небесной да будет над всеми вами. Ваш богомолец Е. Серафим.

Кто со слезами Свой хлеб не едал, Кто никогда от пелен до могилы Ночью на ложе своем не рыдал, Тот вас не знает, небесные силы. Это поют у нас».

Тело владыки, изъеденное вшами, покрылось струпьями, и врач не мог приложить трубку, приходилось подкладывать бумагу. Начались сердечные приступы. Владыку перевели в «околоток», где был полубольничный режим, больше воздуха, прогулки и – духовенство храма Христа Спасителя, но приехавший прокурор, заметив у кровати епископа Серафима образы Скоропослушницы, преподобного Серафима и других святых, прилепленные хлебом к стене, приказал перевести владыку в общую камеру.

В Бутырках сложил епископ Серафим акафист Страждущему Христу Спасителю: «В несении креста спасительного, десницею Твоею мне ниспосланного, укрепи меня, вконец изнемогающего».

30 марта 1923 года, в день Алексия, человека Божия, епископу Серафиму вынесли приговор: «Два года ссылки в Зырянском крае». Духовные чада просили у властей разрешения владыке ехать без конвоя, но получили отказ. В апреле епископа Серафима перевели из Бутырской в Таганскую тюрьму. В полночь под праздник иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», 14 мая 1923 года, поезд увез владыку в ссылку этапом в Усть-Сысольск³. Прощаясь с духовными детьми, владыка писал: «Слава Богу за все. Праздную, светло торжествую четвертый месяц душеспасительного заключения моего. Благодарю Господа, благодарю и вас, во Христе Иисусе родные мои, любимые и приснопоминаемые дети и детки мои, за все ваши участливые заботы о мне, грешном. Господь да воздаст вам сторицею в сем веке и наипаче в будущем».

² Окончательно обитель была закрыта 6 мая, в день памяти вмч. Георгия.

³ В 1930 г. Усть-Сысольск переименован в Сыктывкар.

Епископ Арсений и схиигумения Знаменского скита матушка Фамарь благословили послушницу Анну Патрикееву следовать за ссыльным епископом и быть во всем ему помощницей. Послушницу Клавдию Ляшкевич настоятельница Дмитровского Борисоглебского монастыря игумения Сергия благословила быть второй помощницей Преосвященного Серафима. В Вятке была пересадка, затем около двух недель ждали отправки в Котлас. Епископ так обносился, что даже заключенные смеялись: «Владыка, ваш подрысник вороне на гнездо не годится». А в Бутырках у него было все: и белье, и три подрысника, но он их раздал.

Прибыли в Котлас. Арестантов расконвоировали. Была Троицкая суббота – и духовенство решило пойти в церковь. Три епископа: Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров) и Николай (Ярушевич) – вошли в храм, но оказалось, что храм обновленческий. Ссыльные архиереи вышли.

Далее – путь пароходом по Вычегде. На третий день прибыли ссыльные к берегам Усть-Сысольска.

Первую литургию в ссылке владыка служил 2 июня в день святителя Алексия, митрополита Московского. Просфор не было, для литургии взяли чистую постную баранку. Но уже 7 июня епископа Серафима, Чудовского игумена Филарета (Волчана) и Дмитровского благочинного отца Иоанна Муравьева срочно отправили пароходом в Визингу, куда прибыли утром на третий день. Долго искали пристанища, так как принять в свой дом никто не хотел. Говорили: «Опасно: люди преступные, близко закрома с хлебом. Запоры у нас плохие, не можем"... В Визинге дома так и не нашли и поселились в селе Средний Кольель.

На первый месяц денег и продуктов хватило, дальше пришлось менять что было. Но к этому времени дмитровцы узнали адрес владыки и снарядили посланницу Таню. В июле она приехала, привезла подарки и письма, а епископ Серафим писал в ответном письме:

«1923 г. Июля 19 дня, батюшки преп. Серафима.

Мир вам и благословение, дорогие мои, верные во Христе возлюбленные дмитровцы. Спаси вас Господи за гостинцы, которые привезла мне Таня. Цветите для Царствия Божия, завяньте совсем для ада. Будьте Божии, а не вражьи. Друг друга любите, друг друга прощайте, не укоряйте, не судите, гнилых слов не говорите. В мире со страхом Божиим живите, смертный страшный час воспоминайте и суд Христов нелицеприятный никогда не забывайте, храм Божий усердно посещайте, в грехах кайтесь. Св. Христовых Тайн причащайтесь. Милость Божия и Покров Царицы Небесной да будет со всеми вами отныне и до века. Аминь. Е. С.»

Отбывая ссылку в Зырянском крае, владыка Серафим не оставлял своего архипастырского попечения о дмитровцах в меру тех полномочий, которые в то время предоставлялись Московскому викарию. Сообщение осуществлялось через письма: «Молюсь за вас, – писал он дмитровцам, – с воплем крепким и слезами, чтобы Господь оградил Церковь от вторжения лжеучителей... Молитесь за Архипастыря вашего, перед Животворящим Крестом молившегося».

В ссылке Божественную литургию владыка совершал ежедневно, весь круг богослужебный вычитывал неопустительно. Днем он уединялся на молитву в ближний лес. Здесь у него была пустынька и круглый холмик-кафедра. В праздники – соборное богослужение: епископ, четыре сослужащих протоирея, игумен и священник. Владыка обычно за всенощной читал канон. Сделали орлец, митру, панагию с камушками, дикий и трикий деревянные, работы зырян.

В пасхальную ночь молились вместе, для торжественности сын хозяев стрелял в 12 часов. Даже соседи приходили, но власти скоро запретили посещать богослужение ссыльных.

Келия владыки стала церковью во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница»; у него был антиминос и образочек на бумаге, висевший в изголовье его нар во время заключения в Бутырках.

Как-то на Рождество 1925 года пришел с иконой местный священник отец Стефан.

– Вы к какой Церкви принадлежите, к Православной? – спросил владыка.

– Да, Ваше Преосвященство, к живой православной церкви.

– Как это? – спросил владыка. – Одно дело к православной, другое – к живой.

– Вам, должно быть, известно.

– Если хотите, чтобы я вас принял, должны отказаться от ложной церкви, покаяться и присоединиться к Православной Церкви вновь. Желаете?

– Желаю, Ваше Преосвященство, – ответил убежденный сединами протоиерей и перед Крестом и Евангелием покался и дал обет быть верным Православию.

Однажды, посещая больного ребенка в Визинге, послушница Анна заразилась дифтеритом. Врач зырянской больницы сказал: «Я сейчас без лошади. Завтра приеду и заберу ее в больницу. Заболевание инфекционное, дома оставить не могу». Владыка, видя, что у Анны высокая температура, беспокоился: «Завтра пораньше, до приезда врача, пособорую тебя и причащу». Пособоровал послушницу и причастил. Через несколько часов приехал врач, измерил температуру – нормальная. Осмотрел дыхательные пути: «Теперь незачем брать, дома будет поправляться». Вскоре она совсем выздоровела.

Весной 1925 года окончился срок ссылки. В день Благовещения Пресвятой Богородицы пришла бумага об освобождении, и в это же утро пришла телеграмма о кончине Патриарха Тихона. Епископ Серафим пишет в Дмитров срочное послание:

«Всем, всем, оставшимся верным дмитровцам. Мир вам, утешение в скорбях ваших, исцеление в болезнях ваших, терпение в долгой разлуке нашей, родные мои, возлюбленные о Господе Иисусе, дорогие приснопоминаемые в недостойных молитвах моих, дмитровцы мои, Бога любящие и Богом любимые чада мои, мир и благословение.

Давно не видал я уже вас, давно не молился с вами, давно не причащал вас Чашей вечной Жизни, давно не беседовал с вами усты ко устам, лицом к лицу, давно...

Дмитровцы мои верные, дмитровцы мои родные, скорбит мое сердце вместе с вашим сердцем и за Ангела Хранителя нашего, веси, нивы наши благословлявшего всегда. Не стало его, ушел он. Словно не выдержало сердце его всей горечи, всей боли, всей скорби, всей неправды, измены евангельской правде церковной. Не выдержало, разбилось.

Помоги вам, Господи, это лишение с терпением понести и утерянное сокровище паки увидеть. Умоляю вас, яко детей своих родных: бойтесь волков в овечьей шкуре, живцов. Они полны дьявольской гордыни, самочиния, бесчиния, они сладко говорят, но горько их слушать, на языке у них мед, а на сердце лед. Яд аспидов под устами их, гроб отверст – гортань их, и, когда они говорят, говорят ложь, яко чада отца лжи – дьявола. Блюдитесь от них, не молитесь с ними. Они лишают души спасения. Храни вас Господь в вере православной тверды и незыблемы – о сем ежедневно молитвы мои к Пастыреначальнику Христу возсылаю.

Благослови вас Господь, укрепи, утверди. Видеть вас хочу, беседовать, петь Господу вместе хочу, стосковался уж по вас.

Болящие, не унывайте, ибо болезнями спасаетесь, бедные, не ропщите, ибо нищетою богатство нетленное приобретаете, плачущие, не отчаивайтесь, ибо утешение ожидает Духа Утешителя вас.

Не гневайтесь, не сетуйте друг на друга, не злобьтесь, не бранитесь, не гневайтесь, а злобьтесь только на грехи, на беса, к греху влекущего: гневайтесь на еретиков, с ними не мирствуйте, а между собой, верные в мире, в любви, в согласии живите.

Имущие, помогайте неимущим, богатый, больше давай, убогий, по силе своей милосердствуй... По сему уразумеют все, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.

Мир посылаю вам, мир Христов даю вам. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь. Отец».

Весенняя распутица задержала отъезд до 9 мая, когда в день просветителя зырян святителя Стефана Пермского тронулись, наконец, в путь из ссылки. К вечеру неожиданно

нагнала тройка лошадей с сотрудниками НКВД, которые, остановив возчиков, долго убеждали их бросить епископа с послушниками в лесу, достали бурак с водкой и стали их угощать. «Мы честные, – возразили зыряне, – много всего возим и почту столько лет. Бросить их на съедение волкам и медведям мы не согласны». В Усть-Сысольске пересели на пароход... В Москве поселились в Даниловском монастыре. У владыки начались приступы каменной болезни печени. Несмотря на боли, необходимо было срочно явиться в дмитровское НКВД. Утренним поездом прибыли в Дмитров, но начальство объявило: «Ошибка! Немедленно на Лубянку! Срочно уезжайте в Москву!»

На Лубянке: «придите завтра», «послезавтра», «через пять дней» – в течение двух месяцев! «Значит, можно не ходить», – решил владыка.

Аносинская игумения Алипия, которую епископ Серафим знал еще будучи архимандритом, предложила пожить в их обители. Матушка была заботлива, приветлива и сама искала себе и сестрам своим духовной поддержки. Под праздник Тихвинской иконы Божией Матери, вечером 8 июля 1925 года, прибыли в Борисоглебскую Аносину пустынь. У святых ворот встретили сестры.

В пустыни владыка ежедневно совершал Божественную литургию в храме великомученицы Анастасии. Вскоре у него возобновились приступы каменно-печеночной болезни, случавшиеся по два раза в месяц. Иногда боли, доводившие его до потери сознания, продолжались в течение девяти часов. Утром 25 февраля, в день святителя Алексия, начался сильнейший приступ. Думали, что он умирает. Долго был без памяти, затем стало легче. Сестры вышли и через полуоткрытую дверь слушали его дыхание. Вдруг владыка громко позвал: «Кто сейчас прошел по моей комнате в алтарь маленькой церкви за перегородкой?» Никто не входил. – «Это святитель Христов Алексей посетил меня, снимите грелку, встану». Оделся и – за перегородку в домашнюю церковь в честь Саввы Сторожевского. К общему удивлению, на престоле в алтаре горела лампада. Владыка надел малый омофор и начал служить молебен святителю Алексию. При последнем возгласе лампада вдруг сама угасла, в ней не было ни капли масла.

13 июля 1926 года владыку вызвали на Лубянку. В полдень он вернулся на Влахернское подворье и сказал: «Требуют выезда из Москвы. Предложили Новгород, я попросил Дивеев. Получил назначение выехать на шесть месяцев в Дивеев или Саров. Сказали: «Будем организовывать Синод, а вы помешаете».

Приехали в Дивеево в канун дня преподобного Сергия, 17 июля 1926 года. В течение долгого времени Дивеевская игумения Александра не разрешала ссыльному владыке служить в храме. После его упорных просьб наконец согласилась – очистили подвальный храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» под Тихвинской церковью. Здесь епископ Серафим стал служить раннюю литургию. Обычно он старался успеть закончить ее прежде, чем начнется служба наверху, для чего начинал литургию в четыре часа утра. После литургии шел на «канавку», обходя ее по завету преподобного Серафима, читая полтора «Богородице Дево, радуйся». Заходил в келейку преподобного Серафима, перевезенную в Дивеево из ближней пустыньки в Саровском лесу. Потом молился у алтаря Преображенской церкви.

1 августа 1926 года, в день прославления преподобного Серафима, епископ Серафим вместе с епископом Зиновием ездил на праздник в Саров. Народу было множество. При выносе мощей злоумышленники пытались опрокинуть гроб преподобного, но Господь не допустил. В день Успения Пресвятой Богородицы, на престольный праздник, владыка вновь, уже один, молился в Сарове. Это было последнее торжество в Сарове и последнее архиерейское служение епископа Серафима. Когда он вернулся в Дивеево, приехал представитель нижегородского НКВД и объявил: в Дивеево служение разрешается, в Саров въезд запрещен.

Эту зиму епископ Серафим жил в комнатах Елены Ивановны Мотовиловой, в корпусе за «канавкой». 14 февраля 1927 года, после всенощной под Сретение, которую совершали дома в келии, он вдруг бросился к окну, к одному, к другому, с молитвенными

восклицаниями: «Пречистая Дева Богородица идет по канавке. Не могу зреть пречудной Ее красоты и неизреченной милости!»

Бывало, владыка делился своими скорбями с блаженной Марией Ивановной. Сетовал, что брат Михаил все собирается принять священство, но это ему не удастся. «Так дьячком и помрет», – заметила блаженная. Беспокоило владыку и то, что нет у них с игуменией Александрой надлежащего духовного общения. «На одной лошади из Дивеева вывезут», – ответила блаженная Мария Ивановна.

В Дивееве стал владыка свидетелем того, как из Сарова 30 марта 1927 года увезли мощи преподобного Серафима.

Осенью 1927 года приехали представители власти и объявили о закрытии Дивеевской обители. Пришли к владыке. «Куда хотите выехать?» – спрашивали. «На место своего служения – в Дмитров. И больше никуда». Незваные гости зачастили. Святыни пришлось убрать, поделили частички от келии, от лычка, от вещей преподобного. Мать игумения дала епископу часть мощей от главы преподобного Серафима.

Рождество Пресвятой Богородицы, престольный праздник обители, прошел благополучно. В ночь под 22 сентября были арестованы епископы Серафим и Зиновий, игумения Александра, старшие сестры и духовенство. Владыка выехал из Дивеева в одном с игуменией тарантасе, за кучера – владыка Зиновий и милиционер. Всех заключили в Арзамасскую тюрьму.

26 сентября, вечером под Воздвижение, когда во всех храмах выносили Животворящий Крест Христов для поклонения, заключенных этапом отправили в Нижний Новгород. Вскоре из Нижегородской тюрьмы пришли известия, что у владыки Серафима опять начались приступы каменной болезни. 8 октября 1927 года епископов Серафима и Зиновия, игумению Александру освободили, но 17 октября 1927 года епископов неожиданно вызвали в Москву. В Москве они искали пристанища, и владыка сказал: «Легче упокоиться навеки, чем так скитаться». На другой день отправились в главное управление ОГПУ. Их пригласил Тучков, принял вежливо. Предложил:

– Кого будем вам посылать для посвящения – посвящайте. Вот Вы, епископ Зиновий, и Вы, епископ Серафим, поезжайте, управляйте епархиями. Побывайте у митрополита Сергия, приходите, договоримся и поедете.

– Я морально не могу, – отвечал владыка Зиновий.

– Я монах, при посвящении во епископы давал обет управлять по каноническим правилам, – сказал епископ Серафим.

– Тогда в 24 часа выезжайте из Москвы подальше.

– Я – в Муром, – решил епископ Зиновий.

– А я – в Меленки, – сказал владыка Серафим.

– Ну что же, езжайте, только живите тихо, – предостерег Тучков.

Епископ Серафим подал митрополиту Сергию прошение об увольнении за штат. Такое же прошение подал и епископ Зиновий.

В город Меленки Владимирской губернии перебрались к концу октября. Дмитровцы, узнав новое местопребывание епископа, навестили его. Приезжало духовенство, дмитровское и московское, монашествующие и миряне. Извозчики, выезжая за архиерейскими гостями, сами указывали его место жительства. Шли пешком странники, богомольцы к владыке Серафиму, и «никтоже тощ и неутешен от него отыде». Владыке говорили, что начальству не нравятся частые посетители, как бы не забрали. «Пусть поездят, все равно ведь заберут», – отвечал владыка. На первой неделе поста он просил никого не приезжать. Уединялся в келии, с домашними до пятницы не говорил, ничего не вкушал, даже Святые Тайны не запивал теплотой. Ночью ежедневно в два часа служил полунощницу. Иногда случалось так: среди ночи, когда он читал правило, дверь келии отворялась от ветра. Послушницы подходили, полагая, что он отворил дверь сам, приглашая войти. Заглянув в нее, видели владыку, в молитве лежащим ниц на полу, повергшегося перед иконами, крестообразно раскинув руки...

Размеренно текла жизнь в Меленках около пяти лет. Все пять лет владыка за ворота не выходил.

В декабре 1931 года нагрянули с обыском сотрудники ОГПУ. Дочь хозяйки дома, где жил владыка, Марию Лаврентьевну в полночь увезли в Иваново, и вернулась она лишь через два месяца. В разговорах она намекала, что всех ждет тюрьма.

Наступила Лазарева суббота. После всенощной, когда ужинали, раздался стук и вошли трое. Во время придирчивого обыска взяли паспорта, а ранним утром 11 апреля, в Вербное воскресенье 1932 года, послушниц повели в ОГПУ. Бледный от болезни владыка просил следователя, когда уводили послушниц: «Не обижайте их, и вас Господь помилует. Не забудьте моей о них к вам просьбы, а я вас не забуду». Из раскрытого окна он благословил арестованных девушек.

«Не надейтесь на своего Бога, – говорили тюремщики. – Он вас не освободит, из наших рук никто не освободит вас». Но... из Москвы пришло распоряжение об освобождении.

После ареста послушниц епископа Серафима оставили под домашним арестом. В тюрьму его взяли 23 апреля во время приступа желчной болезни. 25 апреля владыку отконвоировали в Москву на Лубянку и поместили во внутреннем изоляторе, где уже находился епископ Арсений (Жадановский); его вскоре отпустили, а епископ Серафим остался в заключении. В июне с Лубянки перевели в Бутырскую тюрьму, и 7 июля 1932 года был вынесен приговор – три года ссылки в Казахстан.

В Алма-Ату владыка с послушницами прибыли 1 августа и поселились на терраске в чуланчике. Разреженность воздуха действовала на сердце, вызывая тяжелые приступы. Чуть ли не каждые два дня бегали за врачом: казалось, владыка умирает... На террасе осенью стало холодно: начались нарывы, ревматизм, зубная боль, малярия... Отец хозяйки собирал милостыню. Вернувшись домой, доставал лучшие куски и прянички из мешочка, делился с владыкой. Епископ брал и благодарил: «Спасибо, дедушка». – «Богу Святому спасибо, а не мне». 10 ноября 1932 года владыку вызвали в ОГПУ и приказали отправиться в город Гурьев.

Зима в Гурьеве прошла в скудости и нищете. Анна рисовала и вышивала, кормились, продавая ее изделия, но на праздник иконы Божией Матери «Животворящий Источник» вдруг посетила ссыльных милость Божия – телега посылок с крупой и сухарями.

17 июля 1933 года, во время совершения литургии, явился представитель ОГПУ – владыку перевели в Уральск.

1 августа, в день памяти преподобного Серафима, началась в Уральске новая жизнь в маленькой хатке. Здесь устроили келиюцерковь, снова стали постоянно служить, но вскоре владыка заболел малярией. Страшные приступы повторялись ежедневно, хина не помогала. Он терял сознание и приходил в себя лишь через несколько часов. Врач каждый раз предупреждал о возможности смертельного исхода в ближайшую ночь. Исцеление пришло неожиданно в день празднования памяти святого Иоанна Тобольского. С 23 июня, после двух месяцев болезни, приступы прекратились. По совету врача подали прошение переменить место ссылки, но ответа не последовало.

Наступила зима. Рамы в доме были одинарные, на окнах – лед, кругом снег и темнота. Листья деревьев и хворост из государственного сада запасали на дрова, а верблюжий навоз – для самовара. Голодно, цены высокие, не было ни хлеба, ни картофеля. Собирали в полях зеленый капустный лист и рубили в маленькую кабочку. В дни получения посылок был праздник, чувствовали помощь Божию и любовь духовных чад.

В Крещенский сочельник, когда епископ Серафим готовился к водосвятию, пришел представитель ОГПУ и объявил, что ссыльного переводят на жительство в Омск.

23 января 1935 года, в 35 градусов мороза, выехали из Уральска, но, к счастью, через Москву. После трехлетнего отсутствия в Москве на Павелецком вокзале встретили духовные чада. Утром владыка причастил пришедших, и после молитвы все собрались вокруг владыки, а он поучал с теплой, отеческой любовью свою московскую паству в

последний раз. 28-го вечером провожали в Омск с Ярославского вокзала, принесли на дорогу денег и гостинцев, чем очень поддержали.

30 января прибыли в Омск. После пяти дней пребывания в Омске ОГПУ приказало немедленно выехать в Ишим. Прибыли туда 3 февраля 1935 года ночью. До апреля, когда оканчивался срок ссылки, оставалось три месяца. Здесь нашелся старичок Александр Павлович, который пригласил владыку на жительство в дом с палисадником и квартирой на втором этаже. «Горницею устланною, яко красная палата», показалась комната ссыльным. Прежде всего устроили домашнюю церковь, и жизнь пошла обычным порядком: молитва утром, Божественная литургия, чай, отдых, чтение Священного Писания, чай, вечерняя служба, небольшой ужин, вечерние молитвы – и затворялся владыка, соединяя с отдыхом молитву и чтение даже и ночью. Прошла Пасха, наступило лето 1935 года. Срок ссылки закончился, но освобождения владыка не получил. Только осенью пришли бумаги. На предложение выбрать место жительства (минус шесть городов) епископ Серафим ответил, что решил остаться в Ишиме, где ему дали паспорт на жительство.

Добираться из Москвы до Ишима можно было без пересадок; не близко, но доступно всем. Духовные чада приезжали каждый месяц, привозили исповеди от всех и вопросы – владыка всем отвечал.

Во время частых болезней и сердечных приступов владыка говорил: «Умираю, прощайте, мои дорогие. Кто-то меня отпевать будет?» 1 июля 1936 года пришло сообщение о смерти брата Михаила. «Я остался один из семьи, моя очередь», – сказал владыка и даже отслужил по себе отпевание. В конце 1936 года епископ Серафим хотел принять великую схиму, но постриг устроить не удалось.

В Ишиме Анна заболела тропической малярией. Три дня была без сознания, температура – выше сорока. Врач сказал, что такая форма малярии смертельна, но, когда владыка причастил Святых Христовых Тайн, – температура стала нормальной и больше не повышалась. Только тогда ей сказали, что ее считали безнадежной.

С Рождества 1937 года в Москве начались массовые аресты духовенства. Всю зиму владыка Серафим каждое воскресенье, произнося отпуст, добавлял: «Воскресый из мертвых Христос, истинный Бог наш... помилует и спасет нас. Слышишь: не только помилует, но и спасет, непременно помилует, непременно спасет».

Еще осенью хозяина вызывали в НКВД и обязали немедленно сообщить, если он заметит у владыки какие-либо приготовления к отъезду. Последнее время какие-то лица следили за каждым шагом ссыльных.

23 июня, в день памяти святителя Иоанна Тобольского, покровителя Сибири, владыка после службы и чая вышел в садик; возвращаясь, пропел дома «вечную память». Окончив вечерние молитвы, владыка ушел к себе. В это время через палисадник в дом вошли работники НКВД. Начался обыск, проверили все и увезли владыку в 5 часов утра 24 июня 1937 года. С Ишимской тюрьмы начался последний этап земной жизни владыки Серафима.

В ночь с 23 на 24 июня 1937 года в Ишиме арестовали 75 священноцерковнослужителей. Владыка был еле жив, вновь начались сердечные приступы, добавилось кишечное заболевание, температура 40°. В ответ на передачи писал дрожащей рукой, прося помощи, но тюремные стражи говорили, что температура не избавляет от этапа... 18 июля разрешили свидание, предупреждая: «Прощайтесь навсегда. Больше никогда его не увидите».

28 июля Анна и Клавдия, принешие передачу, увидели, что во дворе тюрьмы идет переключка и заключенные стоят рядами. Когда пересчитали всех, владыку с вещами посадили на повозку. «Прощайте, мои дорогие, больше не увидимся», – успел сказать он. У вагонов конвой обыскивал заключенных. Душно было, как перед грозой, и узники попросили попить. Послушницы умоляли конвоиров дать воды, но те отказали: нет разрешения, воду можно передать только кипяченую и с печатью врача.

Епископа Серафима поместили в товарном вагоне. Когда поезд уходил из Ишима, владыка трижды перекрестился и осенил обеими руками по-архиерейски остающихся. «Никто из наших попов не перекрестился, – заметили жители Ишима, – только владыка сам

перекрестился трижды и всех нас благословил». Различие это бросилось в глаза, потому что в Ишиме было много обновленцев.

На следующий день Анна и Клавдия встретили поезд на железной дороге близ Омского вокзала. «Вот началась моя схима», – успел сказать им владыка. Путники изнемогали от жажды – прошли сутки без питья в июльскую жару. Говорили, что в тюрьме теперь всем остригают волосы, и владыка просил Анну: «Похлопочи, чтобы меня не стригли». Анна побежала хлопотать, и в прокуратуре распорядились: «московского архиерея не стричь»...

Стражники выводили арестованное духовенство, сажали в «черный ворон» и везли в тюрьму. Потом из набитой заключенными зловонной тюремной камеры узников отправили на кирпичный завод, превращенный в лагерь.

Передачу не брали, справок не давали: «У нас такого нет». Служащие признавались: «Хотя он и здесь, но иначе говорить не приказано. Находится там, куда передачи не допускаются». В Омской тюрьме епископ Серафим пробыл в камере-одиночке девять дней, затем – снова в переполненной камере, где были обновленцы, духовенство, снявшее с себя сан, и уголовники. Владыка страдал от камней в почках, мучился болями. Возле него на пол положили заключенного, избитого уголовниками до полусмерти. Епископ Серафим утешал его, подавал пить, кормил, и бедняга растрогался: «Никто не жалел. А Вы, сам больной, ухаживаете за мною». Владыка отвечал: «Есть душа, которая еще больше меня страдает».

В одной из записочек он написал: «Я светел, бодр и радостен. Господь подкрепляет и окрыляет сознанием своей правоты, несмотря на тяжкие условия».

23 августа 1937 года тройка при Управлении НКВД по Омской области приговорила епископа Серафима (Звездинского) к расстрелу. 26 августа 1937 года приговор был приведен в исполнение.

Источники: Иоанна (Патрикеева), схимонахиня. Епископ Серафим (Звездинский). Рукопись. ЦА ФСБ. Д. 123373. ЦА ФСБ. Д. 9315. РГА ДА. Ф.1207. Чудов монастырь, ех. 953. Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., ПСТБИ. 1995.

Тропарь щмч. Серафиму, еп. Дмитровскому, гл. 4

Господу нашему подобяся, преобразившемуся пред ученики, небесную красоту и свет любви Божия непрестанно являл еси, озаряя сим светом паству твою; чистотою души и любовью Серафимам уподобился еси, служение архипастырское добре совершил еси, с кротостью и смирением крест свой бестрепетно до конца понесл еси, и кровию своею обогрился еси, непорочно за Христа до смерти пострадав; темже и нашу немощь духовную и телесную посети, и от всякия скверны греховныя сердца наша очисти, священномучениче Серафиме, отче наш.